

Юрий Колонтаевский

*Над
островом
чёрный
закат*

Хроники исступлённых

Юрий Колонтаевский

**Над островом чёрный закат.
Хроники исступлённых**

«Издательские решения»

2016

Колонтаевский Ю.

Над островом чёрный закат. Хроники исступлённых /
Ю. Колонтаевский — «Издательские решения», 2016

ISBN 978-5-44-748993-9

Мир, представленный в хрониках, не является вымыслом. Присущие ему черты вполне осуществимы и во многом соответствуют уже принятым в человеческом муравейнике или еще только прорастающим побегам зла — при всеобщем попустительстве. Со временем жители Земли, как ни крутись, испытают на собственной шкуре эти возмутительные, но настойчиво зреющие новации. Мы же, живущие одним днем, никак не можем поверить, что наш обманчиво мирный горизонт уже окрашен в мрачные цвета грядущей катастрофы.

ISBN 978-5-44-748993-9

© Колонтаевский Ю., 2016
© Издательские решения, 2016

Содержание

1	6
2	11
3	18
4	26
5	30
6	34
7	42
8	50
9	54
10	59
11	65
12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Над островом чёрный закат
Хроники иступлённых
Юрий Колонтаевский

© Юрий Колонтаевский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сдержанный гул голосов наполнял просторную приемную дворца Владетеля.

Собрались те, кому велено быть непосредственно, – предстоял годовой отчет, издавна именуемый встречей с глаза на глаз.

Среди старожиллов немало незваных. Иного нужда привела или частный вопрос, не терпящий отлагательства, иной же, не дожидаясь, когда позовут, заявился сам, чтобы нарочно на глаза показаться – отметить ненавязчиво, не искушая судьбу. Заодно оживить в памяти господина, что должность, к которой приставлен, блюдетя исправно, что он еще жив и надеется жить дальше.

Приема не было полвесны – Владетель хворал. Осведомленные доносили, что он и теперь не вполне здоров, что лечение не идет впрок. Но назойливо давила привычка: с отчетом тянуть не стоит – вопросы копятя незаметно, чуть замешкался, назревает неопределенность и вместе с ней растет напряжение. Жизнь того и гляди остановится, и, если продолжится, то уже по инерции – неуправляемо, а там пойдет костылять на спад. Как потом оживить засыпающий механизм, сколько сил придется потратить, какие поползновения выдержать? Потому терпели, покорно стеснившись плечом к плечу, – испокон привыкли терпеть.

Но осторожно подводили итог – про себя: собрали, больше, на всякий случай, чтобы не расхолаживались.

Наконец кто-то молодой, не стерпев неподвижности, изрек отчетливо: медлят не просто так, а по причине недомогания господина. Молву приняли к сведению, крепко озабитившись ею, присмирев. Сразу не понять, откуда она исходит и что означает произнесенная вслух.

Гладколищье стукачи заметно подобралось, забегали, приносиваясь. Обычное дело: их всюду в достатке, а уж в приемной Владетеля просто невпроворот – немудрено при общем-то сборе.

Между тем утекало время – неумолимо.

Прием отменяют, принялись рассуждать, но сдержанно, соблюдая приличия. Припомнили, что в последние полвесны отменяли дважды, так же нестрого назначив.

Впрочем, каждый, вершащий дела на Острове, твердо усвоил: здесь повторно не приглашают.

Терпели служивые, внешне являя спокойствие, однако поджилки тряслись непроизвольно – страшно. Угнетала непомерно высокая дверь, которую предстоит миновать, – знали, за нею таится опасность. Ни с того ни с сего из общения выпадали – невежливо, отвлекались, суетливо высматривая секретаря, тщась проникнуть в замысел загодя, – выведать по лицу приближенного робота, каково настроение господина. Но робот невозмутим, каменное лицо непроницаемо. Не иначе, как в наказание за какой-то проступок отключили в компьютере бедолаги опцию управления мимикой. Подобное не однажды случалось в последние времена. Известно, что господин терпелив, но, бывает, вскипит досадливо от болтовни и кривляния, и тогда держись тот, кто не спрятался вовремя.

Наконец, когда терпение достигло предела, заветная дверь отворилась. Из кабинета, как ни в чем не бывало, возник личный врач господина по имени Герд. Белоснежный халат поверх темно-зеленого хитона до пят облегал узкое тело, белая же высокая шапочка небрежно и наискось надвинута до бровей, бледное лицо опущено. Деловит мальчишка, скромн, лишнй раз не взглянет в упор. Спокоен, сосредоточен. Сразу видно, человек не простой – облечен доверием, избран.

Толпа с готовностью расступилась. Герд, отрешенный, прошествовал к выходу, никого не задев, – поворотлив.

– Господин Владетель, до начала приема осталась одна минута, – зычно напомнил секретарь. – Собрались. Много их тут, не пересчитать – начал вторую сотню, да они не стоят на месте, ходят туда-сюда, вот и сбился. Теснятся. Поместились все. Господин Координатор? Как же, как же, замечен. Первым идет? Слушаюсь, господин Владетель.

Опустилась тишина, нарушаемая осторожными шаркающими шажками. К двери сквозь раздавшуюся толпу бочком, кого бы не утеснить невзначай, пробирався господин Великий Координатор – правая рука хозяина, второй человек в государстве иступлённых. Узкая тройка черного цвета, давно выпавшая из моды, белоснежная сорочка древнего кроя – с пуговками, черный галстук-шнурок вертикальной линией делит надвое слабую грудь. Замешкался господин перед дверью, замер, обернув к присутствующим потускневшее лицо – в ожидании сочувствия. Не дождавшись, вздохнул, ухватившись за ручку двери – изготовился.

– Приступайте, – послышалось отчетливо – в голосе раздражение.

Господа переглянулись – попрощались мысленно, но, вопреки дурным предчувствиям, потянулись ближе к двери.

– Сегодня кому-то будет очень плохо... – возгласил печальный сдавленный голос.

И следом упала гнетущая тишина.

Тяжеленная дверь, пропустив господина Координатора, затворилась за его спиной, напоследок щелкнув.

– Приветствую вас, господин Владетель. – Натужливый голос вошедшего глух и начисто лишен интонаций. – Как здоровье нашего драгоценного? Заметил, с утра вас уже посетил юный врач. Малый довольно шустрый, однако...

Старый человек утонул в глубоком кресле перед массивным рабочим столом. Тяжелая голова, неловко выпростанная из черного траурного хитона, понуро провисла между острых плеч и упрямо устремлена вперед. Пряди прямых серых волос вольно льются на плечи. Пепельное лицо, иссохшее, изрубленное морщинами, недвижно, мертво. Нездоровится господину – с утра знобит, приступами мучит сухой навязчивый кашель. Одни глаза живут – зыркают из—под густых нависших бровей. Каждому ведомо: никакая, даже пустячная мелочь не ускользнет от хозяйского взгляда, пронизывающего насквозь.

«Все же говорить Координатора учил робот, – неожиданно думает старик и сразу же легчает. – Спросить непременно – при случае. Не забыть».

– Ты же прекрасно знаешь, Арон, – наконец говорит он – каждое слово отчетливо, – здоровья не бывает много. Врач действительно посещает меня по утрам, верно подметил. Дело в том, старичок, что с недавних пор с малой нуждой мне самому, ну, никак не справиться. Надобна помощь – лекарь. – Тень улыбки трогает усохшие губы. – И, представь себе, Сенат требует, чтобы непременно с медицинским дипломом. Вот до чего докатился на старости лет... Стыдно-то как, старина. Крон настаивает на операции. – Владетель слышно вздыхает – через силу и продолжает, оживляясь: – Впрочем, что с него возьмешь? Сумасброд известный – хлебом не корми, дай хоть что-нибудь вырезать... у кого-нибудь. Но... соглашусь, пожалуй. – Молчит, ищет глаза собеседника. Не находит. Недовольно хмыкает. – А скажи-ка ты мне, Арон, только честно, тебя еще не донимает неперемнная досада стариков?

– Да вроде нет, – сдержанно отзывается Координатор. Старое голое лицо вельможи выражает обиду. – Пока не жалуюсь, – вздыхает он, – сам управляюсь.

– Надо же, и здесь обошел, – притворно ворчит Владетель, кривятся в скупой усмешке сухие губы. – Старина, да ты у нас везунчик, – восклицает он. – Теперь так буду звать тебя. Не возражаешь? – Молчит. Спohватившись, повторяет грустно, нараспев: – Везунчик. – И продолжает, рассуждая: – Подумай, как же несправедливо устроена жизнь. Одним здоровье в избытке, причем совершенно даром, другим – бесконечные хвори. И что удивительно, пока не переберешь все подряд, какие только есть на свете, не остановишься... – Помолчав, заклю-

чаёт с напором: – А ты не вредничай, не держи в себе, поделись со старым приятелем, почему тебе так везет? Жена у тебя на зависть, дочка красавица... На выданье.

Ответа не следует.

«Обиделся, – решает Владелец. – Теперь надолго».

– Ладно, не бери в голову. Это я так, для разминки и сокращения дистанции. Чтобы расслабиться. Посуди, столько дней вокруг одни лекари, процедуры, таблетки, чтоб им... Не обижайся на старика. Никогда. Присаживайся поближе и – за дело. Припоминаю, очередное заседание Сената предлагается посвятить актуальным проблемам Континента. Кстати, с твоей подачи. Потому-то основной доклад поручен тебе – самому из нас компетентному. Миновала неделя. Ты, надеюсь, готов?

– Разумеется, – выдыхает Координатор и опускается на краешек стула.

Владелец начеку – неловкость собеседника не ускользает.

– Ты в порядке? – спрашивает он резко.

– В порядке, – говорит Координатор и поднимает глаза. Но не надолго.

– Чую, сегодня ты не в себе. Что-то опять стряслось?

– Ничего такого, о чем стоит говорить. Просто устал, нездоровится. После Сената хочу отдохнуть пару дней. Поеду в горы, на свежий воздух. Не возражаете?

– Ну, какие могут быть возражения? Поезжай. Однако... дело не ждет. Попробуем теперь же, как заведено, предварительно обсудить основные тезисы твоего доклада. Приступай. Слушаю тебя с предельным вниманием.

Доклад краток, отработан до запятой. Координатор без запинки излагает текущие проблемы провинции. Со знанием перебирает хозяйственные мелочи, подробно останавливаясь на достижениях в строительстве объектов инфраструктуры. Напоследок сетует: вконец измучили задержки бюджетного финансирования на ремонт дорог, и особенно на совершенствование народного образования. Последнюю проблему выделяет уже от себя – особо, не по докладу. И сразу же предлагает кардинальное решение:

– Можно хорошо сэкономить, если внять дельным советам министра культуры и внедрить, наконец, двухлетнее базовое обучение в школах Континента. В ведомстве Стора прикинули экономические последствия такой реформы – выгода выходит изрядная...

– Ты речешь о реформе? – повышает голос Владелец. – Опять реформа? Сделай одолжение, поясни-ка ты мне ее суть – для начала. Не знаю, зачем нам эта реформа. Об инициативе Стора слышу впервые.

– Если кратко, суть его предложения такова: из школьной программы исключаются естественнонаучные дисциплины. Принимая во внимание, что никто из ученых так и не доказал целесообразность изучения этих наук. Вразумительно, чтобы всем было понятно. А вот противное и доказывать нет нужды: материал, который мы получаем из школ, на практике эти знания, к тому же худо усвоенные, не использует. Следовательно, они не сулят никакой выгоды...

– Материал? – спрашивает Владелец. – Интересно знать, кого ты так именуешь? Неужели говоришь о людях?

– Разумеется, – подтверждает Координатор и немедленно сознает, что попал впросак.

– А что, по-твоему, остается... материалу? – холодно интересуется Владелец. Душная волна гнева уже поднимается в нем. Но он сдерживается. Голос звучит ядовито и содержит угрозу. – Вы с этим недоумком Стором, уверен, однажды договоритесь до того, что школы на Континенте неплохо было бы ликвидировать. Экая пруть! Надо же, экономическая целесообразность! Продукт, способный заморочить любую голову. К тому же удастся похоронить мучительные потуги совершенствования образования – нечего будет совершенствовать. Не такой ли путь предлагаете? Но тогда скажи мне, Арон, что вы оставите детям? И без того обездоленным? Изучение Закона?

– Именно, – уверенно подтверждает Координатор, еще не понимая, что капкан сработал. Но его уже несет: – И, прежде всего, изучение наиболее эффективной части Закона – раздела о наказаниях.

– А это еще зачем? – вопрошает Владелец.

– Затем, что необходимо с пеленок вдальбивать в тупые головы плебеев те параграфы главного документа, что относятся к ним непосредственно, – убежденно и скоро объясняет Координатор. – Чтобы на всю жизнь запечатлелись в сознании.

Одновременно, в запале он ударяет сухим кулачком по столешнице, показывая, как следует вдальбивать, – энергично.

– Никогда не подозревал, что положение о наказаниях нужно изучать. Применять – понятно, но изучать... Сделай одолжение, поясни, с какой целью?

– Плебей должен чувствовать границы. Постоянно...

– Хорошо, – соглашается Владелец. – Закон следует осваивать, не спорю. Государственная постанова. Я говорю о другом – об урезании программы. – Он молчит, но встрепенувшись, продолжает резко: – Так вот, чтобы больше не заикались об этой реформе. Согласия не дожидаетесь. И не мечтайте. Ишь, размечтались. Уверен, вы уже успели предпринять шаги... В качестве эксперимента, как взяли манеру выражаться в последнее время. Говори, успели?

– Да. Начали с территории славов.

– Надеюсь, дело не зашло слишком далеко? Еще можно остановить процесс? Потрудитесь немедленно возвратиться вспять – на исходные. К твоему сведению плебеи тоже люди, если к ним присмотреться. К тому же за их права пока есть, кому постоять. – Он молчит, остывая. – Ну, а серьезные проблемы? Или опять спохватимся, когда возьмут за горло?

– Одна проблема зреет давно, а теперь беспокоит по-настоящему, – неуверенно выговаривает Координатор. – Последние весны в шахты спускается все меньше молодой смены. Естественную убыль еще удастся удерживать в разумных пределах, а вот рождаемость падает неуклонно, опережающими темпами, так сказать. До двух процентов за весну. Можно представить, с какими сложностями мы столкнемся в ближайшем будущем.

– Численность населения проблема наиважнейшая, – помолчав, говорит Владелец. – И, к сожалению, довольно противоречивая. Близится время, когда нам придется основательно пересмотреть сами принципы регулирования численности. Ну, посуди, зачем нам такая прорва плебеев? Каждого накорми, причем регулярно, трижды в день. Каждому вынь да положь занятие по силам и способностям, предоставь крышу над головой. Каждого обереги от крамольных мыслей, которые так и прут из человека. Особенно на пустой желудок. Нам никак без этих забот? Куда проще продолжать совершенствовать роботов. Особенно с тех пор, как нашим ученым удалось изобрести мышечную ткань, управляемую электрическим током. Вы же назойливо твердите: государству грозит утрата рабочего класса. Как сговорились. Полнейшая чепуха. Общие слова, рассчитанные на людей с неустойчивой психикой. Мы легко обойдемся, удерживая ту численность, какой располагаем сегодня. Ты же прекрасно знаешь, что живых людей с их вызывающим разгильдяйством спокойно, с ничтожными затратами могут заменить автоматы. Разумеется, исключая сферы жизни, которых ни при каких обстоятельствах не должно коснуться снижение рождаемости и где роботы никогда не будут преобладать. Даже в отдаленной перспективе. Я говорю об армии, полиции, специальных подразделениях. На них мы не жалеем ни средств, ни людских ресурсов,.

– В силовых структурах всегда комплект, – вступает Координатор, воспользовавшись паузой.

– Вижу, понимаешь верно. Что касается проблемы рабочих плебеев, о которой ты упомянул, будем придерживаться сложившегося баланса. К сожалению, если хорошенько подумать, плебеи нам нужны по-прежнему. Ты лучше вот что организуй. Подбери энергичного чиновника и отправь на Континент. С полномочиями. Поручи разобраться на месте. Если помнишь,

именно так мы поступали в старые добрые времена. Двух недель будет достаточно. А вернется – доложит. Информация из первых рук самая достоверная. Вот тогда и примем решение. Обоснованное и правильное.

– Ваше поручение исполним немедленно. К тому же по моим сведениям нынешние выпускники университета не очень-то спешат с выбором специализации. Некоторые до сих пор не при деле.

– Вот и отлови самого свободного. И пускай отправляется. Подключи ректора Игоря – он поможет, подскажет. Что же касается отлынивающих, вызови, накажи примерно, чтобы другим неповадно было. Получается, заводят новые порядки? Не следишь, не пресекаешь. Никогда такого не бывало. Не мне тебя учить, – подводит итог Владетель, давая понять, что вопросы исчерпаны и аудиенция подошла к концу.

Координатор поднимается. Сдержанно поклонившись, ловко разворачивается на месте и неспешно несет к двери негнущееся свое тело. Владетель провожает вельможу взглядом. «Этого Арона я знаю десятки весен, – думает он, – и до сих пор не могу избавиться от того, что передо мной не человек, одетый с иголки, но небрежно сконструированный робот».

«С годами он становится каким-то мутным, – размышляет Владетель, оставшись в одиночестве. – Давно пора заменить старика молодым энергичным парнем, а этому поручить дела попроще. Непорядок, когда в руках одного человека такая власть – непомерная. Как бы не явились мысли... Но, следует отдать должное, он безупречен, работает без сбоев, надежен, обеспечивает тылы... И все же пришло время признать: будущего за ним нет. Во всяком случае, Терция не для него, там ему делать нечего. А вот готовить экспедицию – по силам. Нужно предложить на ближайшем заседании Сената, – постановил он. – Обидится страшно, как мальчишка. Ничего не поделаешь, годы берут свое, мы стареем. Пора молодых поднимать на крыло, нужна преемственность. Не было бы поздно...»

2

Накануне незадолго до полуночи у подъезда дворца Владетеля, плавно замедлился и замер черный блестящий экипаж, мягко ткнувшись в поребрик. Из него выбрался водитель – рослый робот в черной одежде. Неспешно обошел машину сзади, широко распахнул дверцу пассажира и застыл рядом в почтительном полупоклоне. Сначала в раскрыве явились тонкие ноги в черных чулках и черных узких ботинках с высокой шнуровкой. Неловко смещаясь, они заискали опору, но опора была значительно ниже и ноги безвольно повисли. Следом возникла рука в черной перчатке, тоже ища. Водитель ловко схватил ее и решительно потянул к себе. Затем, просунув руку внутрь и приобняв седока за спину, умело извлек его наружу, легонько прижав к груди. Перенес на панель и осторожно пристроил на ноги.

– Кажется, добрались, Арто, – отдуваясь, выговорил старик прерывистым слабым голосом. – Спасибо тебе, милый. Без тебя мне уже не спроворить. Ты последний настоящий друг. А теперь веди к хозяину.

Охрана дворца, привыкшая издавна к поздним явлениям необычного посетителя, которого, впрочем, давно не бывало, почтительно расступилась, стараясь не смотреть на него.

Дряхлый старик в прямом черном хитоне до пола с капюшоном, скрывавшим лицо, возник в кабинете Владетеля без доклада. Робот Арто подвел старика к стулу перед рабочим столом хозяина, бережно поддерживая, не давая упасть, усадил, заботливо подобрал на коленках излишнюю ткань хитона, расправил, откинул капюшон с иссохшей головы в облачке тонких седых волос и вышел.

– Здравствуй, господин Владетель, – монотонно прошелестел старик, невнятно выговаривая слова.

– Здравствуй, господин Фарн, – в тон ему ответил Владетель. – Мне только вчера говорили, что ваше здоровье разладилось, и вы в постели. А вы, смотрю, молодцом... на ногах, так сказать...

– Преувеличивают, собаки, — отдуваясь, проскрипел старик и осклабился. – Спешат как обычно.

– Давно не бывали. Какая нужда на этот раз позвала в путь?

– Не дождутся доброжелатели, – продолжал ворчать старик все еще о своем. – Особенно те из них, кто печется о моем здоровье... чересчур. Я еще покопчу небо – самую малость. Голова работает хорошо, это главное. А тело... к сожалению, тело первым сдает. – Он прокашлялся, осушил рот белоснежным платком и продолжал: – Я зачем пожаловал лично? Очень серьезный вопрос не дает мне покоя. Обсудить его можно, только глядя в глаза собеседнику. Связи не доверяю.

– Я вас внимательно слушаю, господин Фарн.

– Вам известно, чем у нас занимается досточтимый профессор Харт вместе с вверенным ему институтом?

– В общих чертах, да, – сказал Владетель. – Знаю, что у них проблемы с последним заказом. Что-то там не ладится...

– Это не так, – произнес Фарн со всей твердостью, на какую был способен. – Если быть точным, совсем не так. На самом деле они преуспели по всем статьям, а молчат оттого, что дело нечисто. Мне доложили, что этот великий и славный ученый муж своевольно постановил попридержать у себя прибор под названием аннигилятор. И впредь вовсе не отдавать заказчику, то есть вам. Не исключаю, что он намерен пользоваться им единолично... Я от такой наглости испытал удивление. Больше того, я поражен. А что, как паршивец, вконец обнаглев и утратив совесть, додумается образец уничтожить? Успешно прошедший все испытания?

С него, разбойника, станется. Или, хуже того, передаст в чужие недружественные руки, а те пустят аппарат в ход, чего допустить нельзя категорически.

– Ваши сведения достоверны? – спросил Владетель, насторожившись.

– Не беспокойтесь, – сказал Фарн. – Как всегда из первых рук. Мой человек, которому верю как самому себе, под самым боком у Харта – глубоко вникает.

– Это хорошо, – сказал Владетель. – А что вы можете сказать об аннигиляторе, чего я, возможно, еще не знаю?

– Аппарат обладает непредставимыми свойствами, – помолчав, заговорил Фарн. – Он опаснейшая угроза для нашего государства. Тот, кто им завладеет, может легко сотворить массу проблем. А мы никогда не узнаем, кто решит этих казнить без нашего ведома, а тех, вопреки, помиловать. Власти время вмешаться – самым решительным образом. Потому-то с последним упованием взываю к вам. Больше не к кому. Утверждаю: опасность близится. Вот за этим лично приковылял, преодолевая немощи. Теперь удаляюсь с вашего разрешения, а вас оставляю думать и думать. Не сочтите за труд, пригласите моего Арто. Он теперь ждет в приемной. Мне теперь без его поддержки... шага не сделать.

– Директор института психотроники, профессор Харт, – объявил секретарь.

В дверном проеме замедленно проявилась приземистая плотная фигура. В кабинет плавно вступил совершенно лысый иступленный в укороченном по колено хитоне ядовито-зеленого цвета. Из-под хитона были видны кривые ноги в белых в красные полосы гольфах и массивных желтых сандалиях. Полное розовощекое лицо Харта светилось счастливой доброй улыбкой.

– Приветствую господина Владетеля, да продлят боги его бесценную жизнь, – с воодушевлением продекламировал Харт.

– Присаживайтесь, профессор, – пригласил Владетель, поморщившись, – он так и не смог привыкнуть к лести – смутился. – Доложите, в каком состоянии работы вверенного вам института. Меня интересует дистанционное воздействие на мыслительную деятельность.

– Мы совершили пионерское открытие, – усевшись на стул и натянув на коленки широкий подол хитона, заговорил Харт. – Вы, возможно, знаете, что по интонации голоса мы уверенно определяем агрессивность замыслов любого человека. Но оказалось, что этого недостаточно. Мы пошли дальше... – Он прервался, замолчал, возбуждая внимание собеседника, с опаской огляделся по сторонам, убедился, что подслушивать некому, и продолжал таинственным полупшепотом: – Мы намерены выработать критерии, по которым можно однозначно установить, лжет человек или говорит правду. Придется построить специальный контроллер, провести испытания. Предполагаю, что погрешность выявления лжи будет ничтожной, не более десятой доли процента. То есть, близкой к инструментальной ошибке, что дает возможность...

– Я определяю ложь безо всякого контроллера, – Владетель перебил профессора, усмехнувшись. – Достаточно посмотреть на человека.

– Немудрено при вашем огромном опыте управления. А если... – споткнулся Харт, но собрался тотчас. – А если, допустим, вы человека не видите?

– Тогда по его голосу.

– А как быть, если он молчит? – наступал Харт.

– Вы полагаете, что и молчащий человек способен врать?

– Легко! – окончательно возбудился профессор.

– Интересное наблюдение.

– Нами давно установлено, что именно молчаливая ложь самая зловредная. – Его высокий голосок, отпущенный на волю, зазвенел. – И даже опасная... в некотором смысле.

– Что ж, тогда сдаюсь. – Владетель вскинул обе руки, соглашаясь. – Мой метод действительно слишком прост и не точен.

– А вот мы... – разошелся Харт – не удержишь. – Мы напряглись и, кажется, подобрались к решению важной проблемы – с неожиданной стороны. Мы используем запах. Представляете? В качестве индивидуального источника информации.

– Но ведь для этого, – оживился Владетель, – необходимо вступить с человеком в тесный контакт.

– Ничего подобного, – радостно вскричал Харт, но оборвался, умерив голос до уровня, едва воспринимаемого собеседником, и четко, с расстановкой принялся формулировать истины, добытые в тяжких трудах: – Мы ухитряемся улавливать запах человека на расстоянии по целому ряду параметров, прежде всего по частоте и форме колебаний его центра тяжести. Оказалось, что эти колебания содержат в себе некую функцию запаха *дельта*. И вот эту-то функцию *дельта* удалось обнаружить дистанционно и выделить... в виде сигнала, пригодного для последующей обработки...

– А как быть, если подопытный не захотел или не смог принять утренний душ? – ехидно спросил Владетель.

– Ну и что из того? Запахи, о которых вы упомянули, мы классифицируем как примитивные. Они легко фильтруются, так как их состав практически одинаков у всех людей.

– Вам, видно, просто нечего делать, – произнес Владетель разочарованно. – И на такую-то чепуху тратятся драгоценные человеческие ресурсы. Обычно вы удивляете меня, господин Харт – по-хорошему, но на этот раз... уж простите.

– Это не чепуха, не чепуха, – заверещал Харт, чуя приближение опасности, и продолжал тускло, заметно уняв энтузиазм: – На самом деле мы тратим, если разобраться, только самую малость. Совершенно необходимую, чтобы жить и продолжать исследования...

– Успокойтесь, профессор, – попросил Владетель миролюбиво, давая понять, что интерес к сообщению ученого угас и, следовательно, аудиенцию можно считать завершённой.

Харт продолжал сидеть, понурившись, опустив тяжелую голову.

«Он теперь не видит моего лица, – лихорадочно думал он. – Но стоит ему взглянуть на меня, он сразу же заподозрит неладное – поймет, что я вынужден скрывать... У него нюх на такие дела. Он свободно читает по лицам, в этом ему нет равных. А если вспомнит? Хорошо, что не пришлось лгать. Как только станет известно, что последняя разработка в точности соответствует заданию, ни один пункт не остался нереализованным, он затребует аннигилятор в полное свое распоряжение – имеет право. И мое детище, отнявшее несколько весен жизни, попадет в эти руки. И тогда всех нас ожидает непредставимая беда...»

...Государственные испытания аннигилятора завершились накануне – результаты ошеломили даже самого профессора Харта. Особенно убедительными были финальные эксперименты с участием натуральных объектов.

Расходный материал для опытов завезли заблаговременно – партию выбракованных плебеев. С ними пришлось повозиться – программно перестроить вживленные чипы, чтобы они смогли включиться в управляющее поле прибора. Подопытных подкормили, приодели, разделили на две группы и первую группу из двадцати бедолаг отпустили на волю – под личную ответственность Харта. Одновременно сообщили в полицию об опасных преступниках, сбегавших из-под стражи, указав возможные координаты мест, где эти негодяи могут объявиться. Вскоре начали поступать сообщения: в названных районах города в течение нескольких часов были обнаружены неизвестные люди, точнее, их трупы, без каких—либо признаков насильственной смерти. Всего двадцать человек. Тогда Харт распорядился оставшихся плебеев в расход не пускать и испытания прекратить.

Но ни радости от удавшейся работы, ни даже простого облегчения он не испытал. Напротив, в нем исподволь пробудилась и окрепла крамольная мысль, состоящая в том, что передавать аннигилятор любому частному лицу, в том числе заказчику, нельзя ни в коем случае.

Первым сигналом тревоги, подтолкнувшим его к рискованному решению, явилось потрясшее до глубины души поведение сотрудников лаборатории. Харт наблюдал, сдерживая отвращение, как вполне нормальные люди, с которыми бок о бок проработал полжизни, увлекшись преследованием несчастных, обреченных на неизбежную смерть людей, приходили в неистовство, когда удавалось точно определить координаты очередной жертвы и, загнав в угол, уничтожить. И как, сотворив ужасное зло, после недолгой охоты, удовлетворенные, остывали.

Теперь, уже в кабинете Владетеля, преодолевая парализующий страх, Харт окончательно сформулировал приговор: аннигилятор, недопустимо совершенный и страшный своими возможностями, ни при каких обстоятельствах не должен оказаться в руках человека, сидящего перед ним и не спускающего с него пристальных глаз. Этому человеку он не верит. Прибор следует немедленно уничтожить вместе с документацией, чтобы не смогли довести до ума наполовину готовые второй и третий экземпляры. И будь что будет.

Напряжение отпустило сразу же. Он не предполагал, что способен на столь безрассудную смелость. Как же хорошо, что Владетель не вспомнил. Самое время уносить ноги. Пока не поздно. Он поднялся. Одна мысль билась в сознании: быстрее отсюда, подальше. Вернуться в лабораторию, объяснить Клуппу причину принятого решения. Помощник умен, он поймет. Он вправе знать все, что касается их общего дела...

У двери, когда неверная рука Харта уже сжимала ледяную золоченую ручку, недовольный окрик Владетеля – неожиданный удар сзади – остановил его:

– Минутку, господин профессор. Куда же вы так спешите? Я еще вас не отпустил.

«Все-таки вспомнил», – подумал Харт, цепenea, и обреченно обернулся.

– А ведь мы с вами не закончили. – Перед Хартом сидел хозяин, с которым шутки плохи. – Удивительно, но вы ни словом не обмолвились о последнем моем поручении. Что это означает, господин Харт? Неужели подводит память? А вот я, в отличие от вас, помню все. И вынужден вам напомнить, что в свое время вы согласились с техническим заданием. И с присущим вам энтузиазмом взялись за решение проблемы. Разве не так? Во всяком случае, возражений я не услышал. Что же такое случилось теперь? Почему вы жметесь как нашкодивший школяр в ожидании неизбежной трепки? Молчите? Нечего сказать? Так вот, довожу до вашего сведения, мне просто не терпится узнать, когда аннигилятор окажется на моем столе. Добрые люди доложили, что полевые испытания завершены и результатами вы довольны... Или это не так и меня вводят в заблуждение? Сегодня кому-то очень не поздоровится. – Он помолчал, не спуская глаз с потускневшего Харта. – Я жду объяснений, господин профессор.

– Мы всегда с особенным прилежанием выполняем все ваши поручения. – Харт решил потянуть время. – Но возникли неодолимые проблемы...

– В чем же они состоят, уважаемый, если не секрет?

– Ну, какие могут быть секреты от вас, господин Владетель?

Еще не все потеряно, думал Харт. Он расслабился и решил, было, вернуться к стулу, который только что оставил, – ноги не держали, но передумал, остался у двери, вцепившись в ручку, чтобы устоять.

– Оказалось... – начал он объяснение, потупившись. – Словом... чипы плебеев не вполне пригодны для выполнения поставленных задач. Объяснение состоит в том, что большинству... образцов, присланных для заключительных испытаний, чипы вживлялись давно, еще из опытных партий. Они безнадежно устарели. Диаграмма направленности их приемных антенн слишком широкая, что не позволяет с необходимой точностью определять азимут искомого человека, а ведь именно азимут главная координата. Мы предприняли коррекцию параметров антенны извне, но толку от нее немного. Я даже поднял старую документацию и убедился, что при разработке чипов никаких специальных требований к антенне не предъявлялось. Никому, кроме вас, господин Владетель, не могла прийти в голову такая удивительная постановка про-

блемы. В настоящее время мы уверенно определяем координаты группы, воздействуем на нее всей мощью специального излучения, добиваемся полного подавление подвижности объектов, то есть, решаем первый пункт технического задания. По второму пункту полагается надежно и точно распознавать в толпе одного определенного человека. Этот весьма тонкий вариант управления нам, к сожалению, не удался. Причем убедительно доказано, что в предлагаемой конфигурации путей для совершенствования не существует. Предстоит провести основательные испытания на иступлённых с чипами последних массовых моделей или модернизировать плебеев... Хотя бы поэтапно... Я уже прикинул программу... Как вы на это смотрите?

«Неужели Харт опустил до лжи? – думал Владетель, всматриваясь в ускользящие глаза ученого. – Как же не хочется верить. Мы ладили столько весен. Что должно было произойти, чтобы человек, преданность которого никогда не подвергалась сомнению, вдруг сделался чужим? Неужели Фарн прав? Никому нельзя верить, человек слаб и ничтожен...».

– Заменить чипы? – вскричал он. – Надеюсь, вы шутите?

– Мне совсем не до шуток, господин Владетель, – тоскливо произнес Харт. – Совсем не до шуток. Перед нами объективная реальность – самое упрямое препятствие, которое можно себе представить. И ничего—то здесь не поделаешь. – Он замолчал, понимая, что долго молчать не получится. Тогда он решил пожаловаться: – Эта работа вымотала меня настолько, что временами жить не хочется...

– Вы, Харт, обещали решить проблему. Так? – Владетель был спокоен – дурной знак. – За язык вас не тянули, – проговорил он, паузами разделяя слова, отчего они приобрели злоеущий смысл. – Я думал, что мы договорились. Оказалось, что это не так. Ступайте, профессор. Я в вас ошибся. Жаль.

Харт с достоинством поклонился и, виновато ссутулившись, неуверенно и неспешно развернулся. И еще не успела запахнуться дверь за его спиной, как Владетель резким нетерпеливым движением выдвинул из-под столешницы клавиатуру с рядом крупных оцифрованных клавиш, по памяти набрал цифру – четырехзначный код подлинности Харта, мгновение помедлил, собираясь, и решился – резко ударил по клавише УДАЛИТЬ, подведя итог жизни пустого неприятного человека.

В то же мгновение беспомощная улыбка, стынувшая на губах Харта, стерлась, его добродушное потное лицо опало, превратившись в тусклую серую маску, его сознание отключилось.

Чиновники, толпившиеся в приемной, немедленно сообразили, что на их глазах случилось непоправимое, и Харта больше нет с ними.

Они расступились, поспешно освободив пространство в направлении выходной услужливо распахнувшейся двери. Харт, точнее существо, еще недавно бывшее Хартом, весельчак и даже, с завистью поговаривали иные, большой любитель и почитатель прекрасного пола, сосредоточенно и тупо уставившись под ноги, бесшумной тенью преодолел приемную, неверной походкой выбрался в коридор, проследовал к лестнице, ведущей вниз. Наощупь, ступая боком по крутым ступеням, примеряясь, как это делают слепые, спустился на первый этаж. Там его уже поджидали. Два совершенно одинаковых рослых робота стыли навтыжку по обе стороны от невзрачной двустворчатой двери, притопленной в темной нише стены. Лица роботов были каменными, глаза – ледяными. Створки двери расползлись с протяжным скрежежом, одновременно ожила вялая музичка – несколько неуверенных, словно бы на пробу тактов струнных инструментов. В завершение прозвучали и оборвались печальные гаснущие всхлипы тусклого женского голоса. Харт послушно канул в просвет двери и исчез в темноте. Створки проскрипели, сближаясь, и сомкнулись накрепко. Роботы удовлетворенно вытянулись и щелкнули каблуками.

Одним человеком на Земле стало меньше.

Следом явился смотритель лесов по имени Тори. На Острове никаких лесов не было и в помине – последние истребили еще двести весен назад.

При его появлении Владетель вспомнил, что время от времени в Сенате всплывают здравые предложения о разведении новых лесов, но именно этот непоседливый господин, которому подобные заботы полагаются по чину, с упорством выступает против, сопровождая свои возражения раздражающе надменным смешком специалиста. Предлагаемая затея, многословно и однообразно объясняет он всякий раз, разорительна по расходам и совершенно нереальна. Для ее воплощения никакого бюджета не хватит, уж не говоря об ограниченных людских ресурсах, которыми располагает отрасль.

– Ну, так что, господин Тори, будем заниматься лесами? – обратился Владетель к вошедшему. – Или предпочтем саботировать?

– Я-то что? Я всегда готов, – произнес Тори с обидой. – Я не очень-то понимаю, господин Владетель, при чем здесь саботаж? Нашу скромную деятельность никогда так низко не опускали. Просто удивительно... Дайте команду и, конечно же, достойные ассигнования...

Накануне, когда верстался список приглашенных, сотрудники службы Фарна доложили свое мнение: многочисленное ведомство Тори занято тем, что старательно, планомерно изучает лесоводство по старинным фолиантам, написанным на столь древних языках, что, кроме картинок в этих книгах, они ничего не могут использовать в своих изысканиях. К тому процесс познания тормозится тем, что этих языков не оказалось в компьютерной базе объединенной сети. По этой причине выполнить перевод не удалось.

Никогда прежде Владетель не видел этого человека так близко. «Заурядная личность, ничтожество, ни на что не годное. Почему он здесь, передо мной? Он никому не нужен».

– Ассигнования? – возвысил он голос, подогревая себя. – Интересно знать, а на какие шиши до сих пор безбедно живете вы, бездельники? Разве не на ассигнования? И доколе это будет продолжаться? Не рассчитываете ли вы, что карман государства не имеет дна, из него можно черпать и черпать, а мое терпение безгранично?

– Как вам известно, господин Владетель, наше учреждение сугубо научное, – принялся объяснять Тори. – То есть мы призваны в первую очередь заниматься теорией вопроса – по положению. А это, доложу я вам, ой как не просто... Приходится тратить последние силы, чтобы...

– А я хочу знать, – возмущенно перебил Владетель, – когда вы, наконец, займетесь практикой вопроса – лесами?

– Лесами? – Тори удивленно вскинул белесые бровки и, уставившись в потолок, озадачился. Но, очнувшись, зачастил уверенно: – До практического осуществления наших планов еще так далеко. Сначала нужно как следует разобраться с накопленной информацией...

«Немедленно прервать эту деятельность», – думал Владетель, глядя на посетителя. – Решительно, бесповоротно. Приговор исполнить. Без сожаления».

– Понятно, – проговорил он и, сорвавшись, крикнул: – Я уже разобрался. Вон!

Следом – клавиатура, код подлинности Тори и – УДАЛИТЬ.

«День начался удачно, – сказал Владетель себе и почувствовал облегчение – двумя бездельниками стало меньше».

В дальнейшем, по мере продвижения очереди, пошли дела попроще. К обеду в согласии с регламентом, очередь иссякла. Больше никого не пришлось наказывать.

Владетель подумал, что становится излишне мягким, но это открытие не огорчило, напротив, он испытывал приятную легкость и даже боли, угнетавшие последние дни, отступили.

Он пообедал с аппетитом, спокойно проспал обычные полтора часа после обеда. Перемену в его настроении с удивлением отметили роботы-слуги.

Очнувшись после дневного сна, освежившего и унявшего тоску, Владелец почувствовал будоражащий, давно забытый прилив сил. Он легко поднялся с ложа, вытянулся во весь свой немалый рост, напряг усохшие мышцы, неохотно удерживающие костяк единым целым, и вполне достоверно ощутил себя юношей в боевом строю перед последним решающим штурмом. Как же он мечтал тогда умереть за свою страну, и как же не хотел умирать.

Он уцелел. С жизнью расстались другие, множество других, далеких и бывших рядом. Он остался жить. Тогда он поклялся самому себе, что если случится невероятное и он обретет высшую власть, больше никто умирать не будет.

Власть он получил, но не сдержал клятвы – умирать продолжали. Смерть косила его народ, подстерегая на каждом шагу, не разбираясь, не вдаваясь в причины, вырывая из жизни то одного, то другого, и этот ход событий, ставший привычным, давно не казался ему чудовищным.

Жалкие люди, которыми он управлял с жестокостью, в конце концов притерпелись. Им пришлось усвоить главную истину: жизнь одного, даже очень хорошего нужного человека ничто, тогда как жизнь народа, который ничего кроме презрения не заслуживает, – все.

3

Координатор Арон вырвался из приемной и одним духом, преодолев толпу, сникшую после ужасного исхода злополучного Харта, в панике, опасаясь, что могут окликнуть и вернуть, одолел протяженный гулкий коридор, где теперь не было ни души, даже постоянно маячивших дежурных роботов, и укрылся в своем ненадежном временном убежище. Сдерживая дыхание, осторожно – до щелчка – притворил за собою дверь, и тщательно заперся изнутри. В изнеможении приник повлажневшей спиной к ледяному дверному полотну, замер. Тело колотила мелкая дрожь, подгибались ставшие чужими ватные ноги, сердце упрямо и больно било в грудную клетку, душили спазмы, похожие на рыдания.

Постепенно дыхание унималось, возвращались связные мысли. Он осторожно попробовал убедить себя, что опасность миновала и ничего страшного больше не произойдет. Прокорвал к столу, упал в чужое кресло, к которому так и не смог привыкнуть, усилием воли приказал себе расслабиться, обрести равновесие. Полегчало.

Этот скромный небольшой кабинет ему предоставили для работы на время обострившейся болезни Владетеля, по странной прихоти пожелавшего держать под рукой, как он объяснил, на всякий пожарный случай, своего первого заместителя – свою тень. Еще недавно этот кабинет занимал один из немногочисленных помощников господина, в начале весны неожиданно исчезнувший из огромного пустеющего дворца.

Нелепая гибель Харта потрясла, оглушила Координатора. На его глазах по манию руки владыки исторгнут из жизни ученый, на чьих хилых плечах держалась обширная отрасль производств, необходимых государству. Близкий добрый человек, без которого он давно не мыслил собственного существования, сгинул просто и буднично. Невозможно поверить, что причиной жестокого наказания послужила размолвка, возникшая в ходе аудиенции. Оставаясь в приемной, он слышал обрывки разговора на повышенных тонах.

О чем думал Харт во время их последнего нескладного разговора накануне? Зачем именно теперь, когда Владетель, как никогда, близок к естественному концу, он напросился на эту необязательную встречу? И почему на вопрос о причинах странного решения ничего не стал объяснять? Только расплылся в беспомощной улыбке, в которой удивительно сочетались обреченность и твердый умысел не уворачиваться от судьбы. Почему, наконец, его отношения с Владетелем, обычно ровные и уважительные, ни с того, ни с сего обострились настолько, что не осталось иного выхода, кроме бессмысленной жестокой развязки? Наверное, неожиданно подумал Координатор, Харт знал, что поспешная аудиенция закончится для него крахом.

Удивительным было также то обстоятельство, что на этот раз кара постигла не просто смертного, а старейшего сенатора, одного из заметных и уважаемых сановников государства. Владетель, и всегда склонный к решениям, выходящим за пределы разумного поведения, никогда прежде не покушался негласно и единолично на жизнь свободного человека, уж не говоря о представителе высшей власти. Обычно кардинальным решениям предшествовала подготовка, когда охотник и жертва выходили на последнюю прямую отношений. Приближающееся возмездие проявлялось неспешно, как правило, обретая разумное обоснование. Но так было всегда, к этому привыкли, а будет ли отныне?

Едва ли поступок Владетеля достаточно мотивирован, что в соответствии с требованиями Закона считалось обязательным для вынесения и немедленного исполнения даже не столь сурового приговора. Поражал произвол, скоротечность наказания.

«Последнее время он со мной говорит отрешенно, вскользь, – подумал Координатор. – Пытается неловко шутить... Неужели и я обречен на заклятие?..»

Рядом явилась крамольная мысль, которую с некоторых пор он ощущает в себе, но которой не позволяет прорасти: избавление придет – очень скоро. Владелец плох, на этот раз ему не выкрутиться, он, пожалуй, и месяца не протянет. Теперь же, когда с вызывающим упрямством отвергнуты лучшие опытные врачи, а лечение поручено юному хирургу Герду, безродному выскочке, только недавно вышедшему из университета, шансы на выздоровление и вовсе ничтожны.

Нужно подождать, настраивал себя Координатор, все разъяснится, придет в порядок. Но горькая мысль уже распрямлялась в нем: он больше не сможет быть с Владетелем на равных, не осмелится, как прежде, задать любой, даже не вполне приятный вопрос, не услышит ясный ответ. «Впредь не следует ожидать мира – постановил он для самого себя. – Отныне мира меж нами не будет. Теперь все будет по-другому – неопределенно и страшно».

Остается ждать – своего часа. Он дождется, чего бы это ему ни стоило. Будет терпеть, соглашаться, главное, будет беречься сам. И копить силы – исподволь. Он основателен и неспешен. Недаром Владелец всегда отмечал и высоко ценил эти его качества.

«Серьезных причин для паники пока нет, – подвел он итог. – У меня в запасе неоценимое преимущество – время, которого у Владетеля не осталось. А Харт... Ничего не поделаешь, все мы под Богом ходим, все канем в вечность – рано или поздно. Уйдем, не оставив следа».

И как только он понял, что важное, долго не дававшееся решение принято, напряжение, отпустило. Он вернулся в ту норму, которую постоянно ощущал и поддерживал в себе, и которая давала ему энергию жить и отстаивать интересы государства иступлённых.

Он поднялся, расслабленно прошелся по кабинету от окна к двери и обратно, посмотрел в окно. Обычно в это время дня площадь перед дворцом была безлюдна. Теперь же поодаль, у подъезда его собственной резиденции, которую он вынужденно, по капризу, оставил, группа людей, человек пятнадцать, не больше, внимала высокому размашисто жестикулирующему человеку. Тот даже поднялся на несколько ступенек парадной лестницы, торжественно высившись над слушателями. Поразили тощие голые руки оратора. Они взлетали чудными птицами в четком ритме над лохматой его головой, вырывались на волю из широких рукавов хитона, опадающих тяжелыми складками.

«Неслыханное вольнодумство, – определил Координатор строго. – Никому не позволено проповедовать в общественном месте. Следует немедленно пресечь вопиющее нарушение».

Он надавил на кнопку вызова охраны. В коридоре рассыпалась, приближаясь, дробная побегка дежурного. В дверь поскреблись. Он открыл замок – дверь распахнулась, на пороге стоял знакомый робот Р2, привратник из охраны дворца.

– Ты вот что, любезный, выйди-ка на площадь, там кучкуются какие-то люди. На противоположной стороне, справа. Послушай, о чем они говорят, и запомни. Вернешься, доложишь.

– Слушаюсь, господин, – выкрикнул робот и исчез.

Координатор вернулся к окну и продолжал наблюдать. Он видел, как Р2, выбрав нужное направление, по кратчайшему пути пересек площадь, приблизился к толпе. Некоторое время стоял неподвижно, слушая оратора, затем склонился к одному из слушателей – о чем-то спросил. Ему ответили, он удовлетворенно кивнул головой, поблагодарив, послушал еще немного и пустился в обратный путь.

– Этого человека, господин, зовут Тарс, – сказал Р2, входя в кабинет. – Он простой врач. Довольно странные слова, но он почему-то повторил их несколько раз. Если быть точным, именно этими словами он начинает каждую фразу. Он рассказывал, как поступает голубь с голубкой, когда к ним приходит нечто непонятное, что он назвал любовью. Голубь зачем-то карабкается на голубку, что-то такое делает, потом они вместе взлетают, носятся кругами, оглушительно хлопая крыльями... Не очень понятно, господин. Во всяком случае, наблюдая голубей, я ничего подобного не замечал... Я подумал, что рассуждения простого врача вам

будут интересны, и записал кое-какие отрывки из его речи. – Он протянул Координатору серебристый диск.

– Свободен. Ступай.

Робот вышел, осторожно притворив дверь.

Координатор утопил диск в приемную щель плеера, аппарат ожил, зашипел. Комнату наполнил срывающийся от волнения звонкий голос:

– ... не крамола, нет, не крамола, поверьте мне. И обижать вас я не хочу, когда говорю откровенно, как может говорить простой врач, простой человек, живущий одной жизнью с вами. Я одного от души желаю вам всем – счастья. Настоящего человеческого счастья, о котором вы успешно забыли. Вас заставили забыть... Я призываю вас к любви. А это означает, что вы должны жить вместе – мужчины и женщины, и первым делом научиться спариваться точно так же, как это делают собаки или кошки. Наконец, как это делают голуби. Вы на это имеете полное право, потому что вы не роботы – люди. Не стесняйтесь своих чувств, не душийте их в своих недрах...

Гул одобрения прервал проповедника. Он замолчал ненадолго, но собрался и продолжал:

– ...целуются же голуби на виду у всех. Потом мальчик довольно неуклюже, помогая себе крыльями, карабкается на девочку и все завершается самым естественным образом. При чем восторг от содеянного переполняет тупых бесполезных птиц настолько, что пережить его удается только сорвавшись в небо в оглушительном парном полете. Сделав один или два причудливых витиеватых круга над землей, птицы опускаются куда ни попало, и вновь целуются, и вновь карабкаются, и выстреливают в небо короткими суматошными кругами...

– ...поймите, вы люди, вам нет нужды уподобляться животным. Нет надобности любить друг друга прилюдно, там, где застало желание... У вас есть жилища. Вы можете укрыться в них... Главное, нужно верить, что никто на всем белом свете не вправе помешать вам быть счастливыми...

– ...я давно подозревал, а теперь знаю точно, именно так древние продолжали свой род. В те счастливые времена, которые, как нам объясняют, давно завершились, в центре мироздания была женщина-мать. Она зачинала ребенка в любви, носила его в своем чреве, рожала в муках, кормила своим собственным молоком, готовила к жизни... Ведомо ли вам, что наши предки совсем не нуждались в пробирках, кюветах, в которых когда-то плавали мы с вами, – беспомощные одинокие зародыши, у которых, по существу, не было родителей, а были только анонимные зачатки их половых субстанций...

Координатор выключил плеер. В этих разговорах, думал он, волнуясь, чувствуется нечто ложное, непонятное. Пожалуй, запретное, но, несомненно, содержащее истину...

Он продолжал следить за любителем голубей. «Нужно присмотреться к этому человеку. Хотя нет, лучше позвать его сейчас же и расспросить. Выяснить подробности. Причем немедленно, я чувствую. Он может затеряться, ищи потом».

Он вновь вызвал охрану. Р2 возник на пороге.

– Отправляйся на площадь и этого... Тарса... доставь сюда. Понял?

Вид молодого человека позабавил Координатора. Хитон стар и потрепан, по подолу подрублен неровно и косо. Впалые щеки покрыты недельной рыжей щетиной. Пожалуй, он голоден – время от времени судорожно сглатывает слюну. Наблюдая Тарса, Координатор подумал, что едва ли этот человек имеет постоянную работу и доход...

– Мне доложили, что тебя зовут Тарс.

– Это имя, господин, мне дали при рождении, – сдержанно объяснил проповедник. – Выбрали, как положено, по Главному каталогу разрешенных имен. Я заменил какого-то Тарса – предшественника. Незадолго до моего рождения он покинул наш прекрасный мир – не по своей воле. Его имя освободилось. Мне по душе эта традиция и мне нравится мое имя.

– Имя дают при рождении, – согласился Координатор вяло – перенесенный стресс не отпускал. Он подумал, что, пожалуй, не следует продолжать общение с этим человеком, но что-то необычное в облике и повадках Тарса уже зацепило. Что-то естественное, простое, чего давно не приходилось наблюдать среди людей. – Как я понял, ты врач, но зачем же подчеркивать, что простой врач. Разве ты не знаешь, что мы никогда не пользуемся этим определением по отношению к человеку. Что мы отказались от деления людей на простых и сложных? Нарушая запрет, ты выступаешь против общества. Ты не боишься последствий?

– С некоторых пор, не боюсь, – сказал Тарс спокойно. – Но почему вы решили, будто я выступаю против общества?

– Я так думаю, – сказал Координатор.

– А вот я так не думаю, – упрямо возразил Тарс.

– Ты смелый юноша. И, видно, довольно умный. Из всех моих укоров ты выбрал самый опасный – о выступлении против общества. Ты знаешь, что бывает за подобное прегрешение? О Хроме слышал?

– Приходилось, – вздохнул Тарс. – У меня есть незабываемый опыт общения с этим... выродком.

– Почему ты так зло клеймишь достойного человека? Он только и делает, что защищает нас от крамолы...

– Другого имени этот тип не заслуживает.

– Не слишком ли ты строг к Хрому? – спросил Координатор неуверенно.

– Недавно по вине этого негодяя я потерял близкого друга...

– Он тоже проповедовал, твой друг?

– Нет. Он был профессором биологии. Однажды в разговоре с коллегой он имел неосторожность предположить, что в основе нашего государства лежат ложь и жестокость.

– Странно, что подобные мысли приходят в голову молодым людям, у которых вся жизнь впереди. Получили отличное образование, достигли положения в обществе... Твой друг удивительно смелый человек, но, к сожалению, глупый и опрометчивый. Так чем же дело закончилось?

– Ясно чем – на него донесли. Уверен, донес тот, с кем он спорил. Хром арестовал его и велел закрыть за собой дверь.

– И он, конечно же, послушно выполнил повеление?

– Разве у него был выбор? Он просил сохранить жизнь невесте...

– Значит, он не о себе заботился? Удивительно. У него, что же, была невеста? И она разделяла его взгляды?

– Они очень любили друг друга. Мечтали родить собственного ребенка. Им запретили. Как только узнали, ей сделали операцию – насильно...

– Ты сообщаешь много нового. Говоришь, что они очень любили друг друга. Поясни, как это следует понимать?

– Они были единым целым и не могли жить друг без друга...

– Выходит, они жили вместе? Странно. Впервые слышу, что можно... Ты меня удивляешь, Тарс. И что же, его невесту оставили в покое?

– Оставили. Только она сама отказалась жить без него. Я ее отговаривал... Она ничего не хотела слышать. Тогда я пошел к Хрому. Он отказался сохранить ей жизнь, а меня предупредил, что, когда немного освободится, непременно займется мной, что моя песенка спета. Он сказал именно так.

– Ты утверждаешь, что невесту твоего друга... – не завершил фразу Координатор, зная ответ.

– ...тоже убили, – продолжил Тарс.

– Печально, – сказал Координатор и замолчал. Но ожил. – Скажи мне, почему мысль о лжи, на которой якобы построено наше государство, пришла в голову твоему другу?

– А вы что, думаете иначе? – Тарс внимательно смотрел на Координатора.

– Ты смелый юноша, – сказал Координатор, испытывая досаду. – Но ты не ответил на мой вопрос.

– Он не мог жить так, как живут исступленные. Не хотел быть исступленным.

– Он хотел стать плебеем? Мне доподлинно известно, что плебеи культивируют так называемую любовь. Но они недостаточно цивилизованы. Что с них возьмешь? И у славов вся жизнь строится на пресловутой любви.

– Это так, – сказал Тарс. Подумал и, решившись, задал вопрос, который постоянно носил в себе: – Не по этой ли причине дети славов совершенно здоровы?

– Здесь, Тарс, ты, пожалуй, прав, – согласился Координатор. – Но мы не можем принять подобную модель поведения. Мы не славы и не плебеи, мы вынуждены думать о будущем. Тебе известно, что наш народ готовится к переселению на Терцию?

– В самых общих чертах.

– Ты готов лететь вместе со всеми?

– Едва ли меня спросят...

– Обязательно спросят и дождутся ответа.

– И следом, если откажусь, велят закрыть за собой дверь?

– Строгость наших законов сильно преувеличена. Не нужно их нарушать и все будет в порядке. – Координатор подумал и спросил, вспомнив: – Ты что—то там говорил о голубях. Что они такое вытворяют, чему следует научиться людям? Ведь рассуждая о голубях, ты преследовал именно эту цель?

– Голуби живут так, как велит природа, – заученно проговорил Тарс. – Они никого не спрашивают, как следует поступить, ответы на все вопросы находятся в них самих. А человек только и делает, что природу опровергает.

– Поясни свою мысль, сделай одолжение.

– Я призываю всего навсего вернуться к естественной жизни, к той жизни, которой жили наши далекие предки.

– Но, подумай, это же неприемлемо по целому ряду причин. Начнем с того, что мы не можем позволить людям беспорядочно размножаться. Однажды это уже было, и ты знаешь, чем закончилось. Мы не можем позволить также, чтобы люди принимали участие в воспитании собственных детей. Ничего хорошего из этого не получится. Потому таких детей просто не должно быть и их нет.

– Эти доводы мне совсем не нравятся. В них трусость и нежелание отвечать за себя и свою жизнь.

– Скажи-ка, Тарс, ты хотя бы иногда слышишь слова, которые произносишь с такой безрассудной отвагой?

– Разумеется, господин Координатор.

– Ты знаешь, кто я такой?

– Знаю. Об этом мне сообщил робот. Правда, никогда прежде я вас не видел, но всегда знал, что вы существуете.

– А вот я теперь знаю, что существуешь ты и что твоя участь незавидна. К сожалению. Не уверен, что ты долго протянешь на улице.

– Я готов, – сказал Тарс печально. – Если кому-то станет легче.

– Кому-то, возможно, станет, мне – нет, – сказал Координатор и удивился своим словам. Он подумал даже, что эти слова произнес не он, а другой человек, оживший в нем, у которого единственная радость в жизни – перечить любому замыслу своего господина. – Я не стану причинять тебе неприятности, хотя должен. Ты пойдешь теперь и постарайся быть осто-

рожным и умным простым врачом, если тебе нравится так именовать себя, а не разгильдяем, проповедующим крамолу на площадях. Тебе очень повезло встретить меня на своем пути, но главное, тебе повезло потому, что последнее время удивительно не везет мне. – Он помолчал и вдруг переключился на жесткий непререкаемый тон, свойственный Великому Координатору: – Впрочем, эти слова забудь. Ты, надеюсь, не жаждешь познакомиться ближе со мной и моими людьми?

– Нет, конечно, – еле слышно произнес Тарс.

– Теперь ступай и запомни совет: держись подальше от пройдох из службы безопасности, особенно от их предводителя Храма, уже положившего глаз на тебя, как я понимаю с твоих слов. Тебе не уйти от этих натасканных псов, если они, не дай Бог, возьмут след. Но если все же случится беда и тебя прижмут так, как они умеют, попробуй сослаться на меня. Разрешаю. Не уверен, что это поможет, учитывая краткость пути от ушей этих плохих парней до включения механизма расправы. . . И, пожалуйста, освежи одежду. Недопустимо так опускаться. Ты же врач. Простой врач.

Выпроводив Тарса, Координатор вернулся к столу, опустился в кресло, замер.

В молодые годы, когда борьба за лидерство так естественна, он на первые роли не рвался сознательно, предпочитая оставаться вторым. Свой выбор он объяснял самому себе врожденной скромностью и скучным отсутствием амбиций. Первым всегда был будущий Владелец.

Вместе с тем, сколько помнил себя, он мечтал о власти, но не о власти карать и миловать по произволу, которую обычно предполагают невежды. Его вполне устраивала власть над одной по-настоящему интересной тихой стороной жизни – вещественной. Идеологию, законотворчество он охотно оставлял Владетелю, олицетворяющему высшую власть и высшую ответственность. Он легко соглашался с тем, что второе место в государстве иступлённых его потолок, и совершенно искренно не желал большего.

Однако бывали времена, когда он мог легко, почти не прилагая усилий, переместиться на первое место. Высшая власть поманила особенно настойчиво, когда Владелец вопреки Закону увлекся обворожительной юной плебейкой, похищенной на Континенте в колонии славов и тайно вывезенной на Остров. Порабощенный пагубной страстью, он спрятал девчонку от любопытных глаз в своем поместье, наивно полагая, что для окружающих это происшествие останется незамеченным, и на целую весну совершенно устранился от дел, переложив на его плечи, как нечто само собой разумеющееся, еще и свою долю забот.

Тогда страна жила в ожидании перемен. В Сенате, прежде разобщенном на два лагеря, немедленно прекратились распри. Непримириемых врагов объединила общая страсть во что бы то ни стало кардинально изменить жизнь государства. На удивление открыто и смело сенаторы потянулись к трибуне. Наперебой, не опасаясь последствий, в крайней запальчивости принялись твердить о переменах, которые ждет народ и, конечно, они сами – вместе с народом. Жажда решительной перестройки государственного механизма сконцентрировалась до состояния, при котором было достаточно небольшого толчка, чтобы перемены осуществились.

Владетеля обвинили в бесцеремонном, на виду у всех попрании Закона, в тяготении к сомнительным удовольствиям, и, как следствие, в пренебрежении к высокому долгу и назначению. Единогласно постановили сместить его со всех занимаемых постов и предать суду. Премником назвали его – и не только в Сенате, но и среди народа.

В конце концов, явились заводилы и, задыхаясь от возбуждения и страха, поставили перед выбором. Был задан единственный вопрос – готов ли он на последний решительный шаг? Он думал недолго и отказался – он не был готов.

Владетелю донесли – уши у него были повсюду. Он немедленно понял, что перегнул палку, и пошел на попятный, проявив свойственную ему гибкость, – напрочь отказался от всего, что раздражало народ, и в первую очередь от плебейки, успевшей родить ему сына.

Ближайшим рейсом вернул женщину на Континент, мальчишку поручил опальному отцу-диссиденту и, не испытывая ни малейших угрызений совести, отправил в отставку Сенат в полном составе.

Народ, озадаченный столь решительным поворотом, для порядка повозмушался, но, обретя очередные подачки, главным образом в виде щедрых посулов, сник и смирился.

Стоило ему согласиться и власть оказалась бы в его руках – решительных перемен тогда жаждали все. Но когда напряжение достигло предела и пришлось выбирать, он смалодушничал, отказался. И выиграл.

Тогда он решил, что нужно продолжать работать и, главное, просто жить. Нужно терпеть, спокойно дожидаться своего часа и довольствоваться тем, что есть. Похоже, его время еще не настало. Тогда же он впервые всерьез поверил, что оно непременно придет – его время, явится, когда не ждешь и даже не очень желаешь.

Подвернулось приятное отвлечение – он женился. У него родилась дочь – его Тея. Он сохранил девочку и жену рядом, образовав семью, – по Закону у него было такое право. Он им воспользовался и не пожалел – Тея стала его нескончаемой радостью. К тому же он обрел, наконец, настоящий дом.

С тех светлых весен их отношения с Владетелем сделались сугубо официальными, между ними не осталось ни прежнего тепла, ни искреннего доверия. Они стали просто сотрудниками – первый и второй.

Координатор постепенно стал замечать, особенно после рождения дочери, что исполняет служебные обязанности автоматически, что молодой задор, иссякнув, сменился холодным расчетливым равнодушием опыта. Он по-прежнему жил заботами государства, но теперь к служению прибавился иной интерес – личный, который он взялся энергично подпитывать. У него появилась мечта: обручить трехлетнюю дочь Тею с шестилетним увальнем Адамом, незаконнорожденным сыном Владетеля. С великой настойчивостью, отвергнув противные соображения жены, он упрямо приближал свою мечту к осуществлению, сумев придать этому событию значение едва ли не государственного праздника всеобщего прощения.

Владетель на торжество не явился. Упорно не желая замечать сына, он понимал, что, признав ребенка, одновременно признается в нарушении основных запретов Закона, кстати, установленных им самим. Было известно, что Адам внук Гора, то же, что Гор отец Владетеля, а Владетель в свою очередь отец Адама не считалось очевидным, а лишь осторожно подразумевалось узким кругом осведомленных.

И все же праздник удался на славу, дети были прелестны, особенно Тея. Роль невесты настолько захватила ее, что она потребовала, чтобы отныне их больше не разлучали. Адам, напротив, тупо и безразлично молчал. Торжественный обряд в главном соборе столицы при огромном стечении народа оставил его совершенно равнодушным. В решительную минуту с трудом удалось выдать из него согласие.

Старик Гор, напряженный и замкнутый, условно представлял родителей жениха. Он не скрывал владевшей им озабоченности и все норовил избавиться от повышенного интереса к своей персоне. Как только праздник одолел официальную часть и пошел на убыль, он, не попрощавшись, ускользнул вместе с внуком в свое загородное имение. Они не появлялись в столице до самого поступления Адама в закрытый университетский пансион и ни разу не навестили Тею, которая ждала жениха, как может ждать девочка, пораженная мечтой.

Пришлось объяснить дочери, что мужчины в юном возрасте не отличаются чувствительностью женщин, что чувства в них пробуждаются позже – обвалом. Отплакав, она согласилась ждать, твердя неустанно, что Адам тоже обязан ждать, не забывать ее и хотя бы изредка навещать.

Тея выросла, продолжая мечтать о встрече с Адамом. Наконец, когда в университете организовали первую девичью группу, и Тея упростила отца отпустить ее учиться, она встре-

тилаь с Адамом лицом к лицу. Но не решилась открыться и возобновить связь – отложила до подходящего случая.

4

Выпуск очередных университетских групп разочаровал Адама официальной сухостью.

Готовились к празднику основательно, последние полвесны говорили только о нем. Однако вопреки ожиданиям не произошло ничего необычного, что смутно предполагалось и что следовало запомнить на всю жизнь, если не считать первого в долгой истории университета появления на торжестве девушек. В последний год после шумных дебатов в Сенате, доходивших до обвинений сторонников перемен в небрежении к вековым традициям иступлённых, набрали первую девичью группу – в качестве эксперимента.

В просторном актовом зале, заполненном едва на треть, девушек посадили поодаль – всех вместе. Их было ровно двадцать – именно такая численность учебной группы полагалась по университетскому уставу.

Адам слушал напутственную речь ректора невнимательно, автоматически убеждаясь в неточном ее соответствии новейшему лингвистическому канону, – ограниченное число эпитетов, никаких финтифлюшек вроде бесчисленных причастных и деепричастных оборотов, никаких неуклюжих метафор, только слова первого смысла, как их называли и узаконили при последней модернизации языка. Звуки мерно исторгались из мягкого безвольного рта ректора, высокопарные комплименты, которыми он щедро одаривал слушателей, были знакомы по его выступлениям на общие темы на протяжении многих весен, утверждение, что последний выпуск оказался самым удачным из множества выпусков, которые ректор напутствовал за свою долгую жизнь, выглядело пустой банальностью. Определенно речь была заучена наизусть и повторялась из весны в весну с незначительными вариациями.

Адам решил, что ничего нового не услышит, и перестал слушать. Все его внимание сосредоточилось на девушках. Прежде он никогда не думал о них, обучаясь сначала в университетском пансионе, затем в университете. Хотя, конечно же, подозревал об их существовании, но вблизи никогда не видел. Потому теперь, вынужденно оказавшись в одном помещении с ними, он попробовал разобраться, каково назначение этих существ, несомненно, живых людей, так отличавшихся от привычных девушек-роботов, но отличавшихся также и от людей-мужчин.

Энтузиазм, с каким сокурсники приняли перемены, показался ему странным и озадачил. Они почему-то решили, что вот оно – будущее, о котором все втихую мечтали, и прекрасное это будущее вызревает у них на глазах. Они обнаружили, наконец, вещественное подтверждение загадочным периодам Закона, где туманно, что было свойственно главному документу иступлённых, упоминалась вторая составляющая человечества – его сокровенная половина, и даже, что вызывало активный протест, лучшая половина. При этом назначение этой половины для предстоящей жизни объяснялось скупой и довольно туманно: прежде всего, как принадлежность единственно возможного способа продолжения человеческого рода, впрочем, в представлении иступлённых, явления совершенно необязательного и отчасти предосудительного.

Однако лучшая половина на первый взгляд оказалась далеко не лучшей. К тому же никак не удавалось рассмотреть эти живые тени с изможденными темными лицами, наполовину скрытыми крыльями капюшонов. Ходили они, понурившись, перетекая медлительным бесшумным ручейком из одной аудитории в другую, непременно в сопровождении двух надзирательниц, старых строгих матрон в черных хитонах, не спускавших с девушек настороженных глаз. После занятий их увозили в неизвестном направлении и где-то прятали.

Пытливый ум Адама, природными свойствами которого были постоянные размышления, сопоставление жизненных и научных фактов, отныне преследовал его неизвестно откуда взявшимся напряжением, немедленно возникавшим одновременно с мыслью об этих загадочных существах – девушках.

Начал он с самого простого – попытался сравнить их внешние антропометрические параметры со своими собственными, но никакой ясности не обрел, поскольку ничего общего, кроме прямохождения и на первый взгляд одинакового числа членов, видимых при поверхностном наблюдении, не обнаружил. Что же касается внутреннего устройства их тел, функционального назначения отдельных органов, здесь оставалась полная неясность.

Размышлять дальше, основываясь только на предположениях, он не хотел. При такой серьезной недостаточности и недостоверности информации существовал риск напрасно потратить время, пустив исследования по ложному пути.

Он, например, не брался утверждать, что девушки теплокровны, не коснувшись их тел. Но как это сделать, если они всегда на расстоянии и подойти к ним вплотную невозможно. Не составляло труда измерить температуру тела дистанционно, но из-за чудовищных балахонов, укутывавших девушек с головы до пят, результатом измерения будет интегральный параметр, пересчитать который в температуру тела едва ли удастся. Действительно, как было вычленишь из общего температурного фона температуру тела, наверное, небольшой массы, к тому же скрытого под теплоизолирующим экраном неизвестной поглощающей способности и теплоемкости. Скорее всего, почти такой же результат даст измерение температуры среды, где никаких девушек нет. К тому же не было изначально известно, излучают их тела теплоту или поглощают ее.

Первым делом он построил и просчитал упрощенную термодинамическую модель человеческого тела, окруженного тепловым экраном. Но, скрупулезно выполнив расчет, он получил результат, абсурдность которого очевидна. Выходило, что девушки поглощают тепла больше, чем излучают, то есть идет непрерывный процесс накопления энергии, который должен закончиться катастрофой. Причиной досадной ошибки, вынужденно признал Адам, были недостоверные исходные данные, ведь он не знал многого из того, что необходимо было знать точно. В частности, негде было взять подлинные тепловые параметры экрана. Наконец, он не знал, какова удельная теплоемкость собственно тел девушек, такая же, как у него, или существенно отличается.

Вопросам не было числа. Как он ни старался ответить на них, привлекая скопленный малый опыт и логику, как ни замещал истинные значения параметров предполагаемыми, как ни оправдывался, что допущения приняты временно и служат единственно для того, чтобы получить предварительный ориентирующий ответ, он вынужден был признаться самому себе, что избранный путь не ведет к цели.

Но Адам не пал духом, он был терпелив. Он верил, что решение будет найдено, нужно только думать и думать.

В конце концов, он пришел к выводу, что задача решается однозначно, если измерения выполнить в три этапа. Сначала измеряется интегральное излучение из области пространства, где не менее минуты находится одна девушка. Затем через минуту к первой девушке должна присоединиться вторая, наконец, спустя еще минуту, третья. Методически такой подход выглядел безупречным. Аналогично решались задачи элементарной математики, когда число уравнений в результате искусственных преобразований сводилось к числу неизвестных. Однако Адам, зная, как осуществить сложное измерение, не представлял себе, как организовать упорядоченное перемещение объектов, с которыми отсутствует прямая связь и которыми не получится управлять.

И все же сдаваться он не собирался. Присмотрел в лаборатории термодинамики подходящий прибор, запомнил, где тот находится, – в каком отсеке и на каком стеллаже. Оставалось под благовидным предлогом на время позаимствовать его. Не беда, что придется малость присочинить, упрасывая строгого зрителя. Он понимал, что задача науки состоит в том, чтобы отвечать на поставленные вопросы, самоотверженно преодолевая преграды на тернистом пути ученого. Так его натаскивали с младых ногтей, и так он привык думать. Впрочем, этому учили

всех иступлённых, не разбираясь, учатся они в университете или просто работают, не получив никакого образования, кроме обязательной средней школы.

План исследования сложился, оставалось осуществить его.

После торжественной части и поспешного скомканного ужина в столовой, где каждому из выпускников поднесли по первому в их жизни бокалу пенистого напитка с горьковато-сладким вкусом, обильные газы которого остро ударили в нос, состоялась его встреча лицом к лицу с юной патрицианкой, заметно выделявшейся размашистой смелостью среди остальных студентов необычной университетской группы.

Она решительно, точно они были давно знакомы, подошла к нему, назвала свое имя – Тея и заявила с вызовом, исключая какие-либо сомнения, что выбрала его давно и навсегда. И следом строго предупредила, что даже коснуться ее он пока не смеет – для него счастливые времена еще не настали. Единственное, на что он может рассчитывать на первом свидании, это посидеть с нею рядом на диване в вестибюле на некотором все же отдалении друг от друга. И обязательно перед камерой, которая передаст их изображение в Сеть. А уж кто посмотрит картинку – он должен догадаться сам. Она уверена и в этом нет никакой тайны, – в Сети весь вечер будет ее отец, великий и непогрешимый господин Координатор. Он ревниво следит за единственной своей дочерью особенно теперь, когда девушкам разрешили учиться наравне с юношами. Напоследок она обещала встретиться с ним еще раз на большее время, после того как ей поменяют кровь и сделают простую пластическую операцию.

Адам с ужасом смотрел на девушку, не умея скрыть отвращения. Свидание, продолжавшееся всего несколько минут, показалось ему бесконечным. Он молчал, у него не было слов. Наконец пришло облегчение – девушка поднялась, накинула капюшон, скрывший ее лицо, и, не попрощавшись, обиженная, пошла прочь.

И только тогда Адам подумал, что не следовало так бесцеремонно отталкивать Тею. Нужно было попросить ее руку и определить температуру тела. Он знал, что температуры тела и руки различаются на восемнадцать-двадцать градусов. Заодно можно было незаметно потеребить балахон, определив хотя бы приблизительно фактуру и плотность ткани. Растерявшись, он ничего этого, не сделал. Было обидно, что первый же тщательно подготовленный эксперимент окончился досадной неудачей.

Напоследок Адама поразил куратор их группы. Прощаясь, он заулыбался сочувственно и неожиданно тепло и торжественно поздравил его:

– Дорогой Адам, от всей души желаю тебе успехов в личной жизни. Тебе очень повезло, что сама Тея выбрала тебя в супруги. Помни: личная жизнь иступлённого коротка...

Напоследок он нестрого погрозил ему пальцем, и, грустно вздохнув, отвернулся.

– Но я ее не выбирал, – попробовал возразить Адам. – У меня и мысли не было...

– Да будет тебе, – с нескрываемой завистью выговорил куратор и продолжал непрерываемым чеканным тоном: – Запомни, дочь господина Координатора выбирает сама – имеет право. К тому же, как мне сказали, вы были обручены еще в детстве. Существует такой обычай. Не слышал?

– Что-то слышал... кажется, – сказал Адам.

– Обычай очень древний и прекрасный. – продолжал куратор и объяснил: – Так поступают, когда хотят прочно, на поколения связать две сильные личности. А ты забыл, что у тебя есть невеста. Это не делает тебе чести, Адам. А вот Тея помнит и столько всен думает о тебе... Не знаю, почему близкие не сочли нужным напоминать тебе время от времени об этом событии.

– Меня не спрашивали, когда затевали... это... – неуверенно выговорил Адам. – Я надеюсь, что хотя бы теперь меня спросят... Для порядка.

Он подумал, что уж очень странно начинается его взрослая жизнь – с полного и безапелляционного лишения самостоятельности и свободы выбора. К тому же он не знал, кто именно должен его спросить.

– Спрашивать тебя? Зачем? – спросил куратор холодно. – Ты сам должен помнить и понимать, что это нужно, прежде всего, тебе самому.

Адам по инерции подумал, что теперь его обязательно накажут, и он не сможет оставаться первым в группе еще на одну весну. Он включил все свои мыслительные способности, решив опереться на непререкаемый первоисточник.

– И все-таки я верю, – сказал он вежливо, но твердо, – что мое право выбора жизненного пути остается за мной. В соответствии с четвертым пунктом восьмого раздела Закона.

Куратор пропустил доводы Адама мимо ушей, продолжая рассматривать юношу. Он не желал признаться себе, что перед ним не один из его подопечных, полностью зависящий от его воли, а взрослый и со вчерашнего дня совершенно самостоятельный иступленный, навсегда освободившийся от его опеки и перешедший под защиту Закона.

– О своем упрямстве, Адам, ты еще пожалеешь, – наконец произнес он жестко. – Очень пожалеешь.

Резко развернулся и пошел к выходу. Маленький, жалкий, заметно уменьшающийся по мере удаления, но такой страшный человек, которого Адам к стыду своему всегда, с самых первых времен учебы до трепета опасался и от которого, сколько помнил себя, готов был в любой момент получить нагоняй.

Так завершился день странных открытий, в котором не нашлось места Герду, единственному его другу, и это обстоятельство огорчало.

Он давно не видел Герда. При последней встрече тот объявил с непривычной серьезностью, что приступает к исполнению важного задания, говорить о котором ему запрещалось, и что теперь какое-то время они будут видеться реже. Герду предстояло работать и жить во дворце Владетеля – единственная подробность, ставшая известной Адаму.

Вечером, вернувшись из университета, Тея рассказала отцу о встрече с женихом, не упустив особенно обидевших ее подробностей. Координатор внимательно выслушал дочь, задал несколько наводящих вопросов, свидетельствующих о том, что его основательно зацепило это происшествие, и, прощаясь на ночь, попросил ее не расстраиваться из-за пустяков.

Оставшись один, он рассудил холодно после краткого анализа, что не допустит, чтобы какой-то безродный мальчишка пренебрег его дочерью и избежал наказания. Адам ответит за свой поступок. Отныне он будет под постоянным надзором и непременно получит свое – по заслугам.

5

Владелец, престарелый господин иступленных и прочих обитателей Земли, смирился с тем, что уже миновал предел отмеренной ему жизни, и с некоторых пор медлит в пограничном пространстве между осязаемым бытием и безвестным миром, который бесцеремонно предъявляет на него свои права. И куда вскоре предстоит короткий, как падение, путь – не отвертись, не избегнешь.

Изнурительные боли, накатывающие приливами, свидетельствовали о близком скорбном часе, вызывая отвращение ко всему на свете, и, прежде всего, к суетливым безгласным теням, что без смысла мечутся рядом и беззастенчиво именуют себя врачами.

Конец неотвратим, думал он отрешенно. Он упираться не станет, уймется, не посмеет молить богов о лишнем – сверх отпущенной нормы – сладком глотке воздуха. Забытая долгожданная воля, о которой втайне мечтают подданные, – так доносят услужливые соглядатаи – наконец-то вернется и оживит Землю...

Он сознает, что естественный уход предпочтительней, к тому же точно не знаешь час решительного мгновения. Когда-то на Земле так уходили все. Никто никуда не спешил. Но на такой конец земного существования он едва ли смеет рассчитывать, ведь тогда придется нарушить заявленный им самим принцип разумной конечности пребывания всякого смертного в этой жизни. Потому он продолжал упрямо повторять самому себе: каждый иступленный должен быть готов в любое мгновение покинуть светлый мир. Исключения недопустимы. Даже для него.

Но прежде предстоит нелегкий выбор. Согласиться на операцию – добровольно принять мучения, выжить. Туман рассеется, но надолго ли? Альтернатива проще, и уж во всяком случае, достойнее – уйти, закрыв за собою дверь.

Он знал, что новые поколения начисто лишены свободы выбора. Уходят, едва возникает потребность общества. Исключение старики – родились раньше, не попали в Систему, теперь доживают в редющей очереди к естественному концу – дарованному им благу. Продолжают увивать, отчаянно превозмогая немощи, напрягают врачей... До чего же унижительно цепляться за жизнь, так не похожую на жизнь, – унылое зябкое существование. Он не позволит себе пристроиться в эту убогую очередь. Ни за что...

И все же он не спешил уходить. Опасался, что на произвол судьбы будет брошено множество незавершенных дел, неосуществленных затей, неразрешенных споров. Но главное, что последнее время особенно мучит, придется добровольно отдать себя на суд тех, кто явится на смену, и кто по обычаю предков не удержится и первым делом состряпает разбирательство жестокое и бессовестное, осознав, что ответить на обвинения он уже не сможет.

Он скоро уйдет, навсегда избавит народ от страха. Простит современников, пожелает им беззаботного счастья. Они, бедные, не понимают, думал он печально, что следом явится новое время, и всех этих нескладных людишек придавит еще больший страх. Так бывало всегда и так, к сожалению, будет вечно...

Сдерживая неприязнь к людям, невзначай попадающим в поле зрения, он в который раз вспоминает, сожалея, что на последнем заседании Сената так и не настоял, чтобы в обслуживающем персонале и охране дворца остались одни роботы.

Раздражение копится, кажется, еще мгновение и он не совладает с собой, сорвется в ярость – в пропасть, из которой не выбраться без потерь. Особенно невыносим этот шустрый живчик – юный врач Герд. Откуда он взялся такой непонятный, откуда свалился на его голову? Но вспомнил: тщедушного паренька с твердым и ясным взглядом, свидетельствующим о независимом характере, он сразу же, не сомневаясь, предпочел из группы соискателей на должность личного врача – чем-то этот мальчишка задел его за живое...

«И вот надо же, второй день пошел, как паршивец упрямо прячет глаза, – вдруг подумал Владетель. – Человека, прячущего глаза, следует презирать, но и опасаться следует. Того же, кто смотрит дерзко, не мигая, презирать не стоит, но опасаться нелишне... По Закону мальчишку надобно наказать. Но как же редко случается – чтобы прямо в глаза...»

Противоречие неразрешимо. Прямой взгляд – опасность, исходящая извне. Приходится принимать решение – немедленно, не раздумывая. Он понимает, что спешит, и тотчас – расплатой – учащенное сердцебиение, слабость в теле, мусть в голове.

«Герд не робок, – признает он, остывая. – Один у мальчишки ущерб: заметно дрожат руки. И еще: руки у него ледяные, их прикосновения – всегда неожиданные – вызывают долго не отпускающий озноб. Его руки причиняют боль. Но они же избавляют от боли...»

«Скрытен мальчишка, не договаривает. Какая-то тайна мучит его. Возможно, ищет и не находит ответа. А что, если Герд последний по-настоящему преданный человек? Но как же хочется оттолкнуть – вдруг обман. Становится страшно, а что потом, дальше?»

Дотерпел, дождался – изнурительные процедуры позади. Оставалось напоследок проглотить через силу полстакана мутной сладковатой жидкости, вызывающей тошноту.

Он сделал знак неверной рукой – отмахнулся, чтобы оставили одного – единственное движение, на которое он еще способен. Послушно вышли, один Герд замешкался: какие—то склянки позванивают в его руках, он что-то делает с ними...

Боль покидает тело. Но он знает, она вернется – обвалом, когда не ждешь. Никуда от нее не деться. Пора отпустить врача, все же принесшего облегчение от боли, лишаящей рассудка. Расслабиться и уснуть, если удастся...

Неожиданно, не дождавшись разрешения, Герд рывком поднялся и вышел вон.

«Понятно. Мальчишка запоздало исполнил приказ или не выдержал напряжения и сбегал – отдышаться, унять нервы. Опасается, что отвечать заставлю, вопрос висит на языке. Но как же хорошо жить без боли...»

Вновь, как наказание, возвращается скользкая мысль: как ни крутись, а придется выбрать – что дальше. Продолжать издеваться над собственным телом, из которого по каплям точится жизнь. Или закрыть за собою дверь – добровольно, как положено по Закону. Пока в силах стоять на ногах спуститься на нижний хозяйственный уровень дворца, подойти к некачественной двери... Дверь перед ним распахнута – с удовольствием. И поспешно, испугавшись, что передумает, затворят за спиной. Вспомнились умники, создавшие это удобство. Стоя перед ним, простаки утверждали с пылом удачливых творцов, что переход в иной мир, который они придумали и блестяще осуществили, потрясающе прост – вспышка, безболезненное мгновение... Точно кто-то из них, побывав там, за страшной дверью, вернулся и теперь делится опытом. Он настоял на том, чтобы они испытали новшество на собственной шкуре – первыми. Однако уперлись придурки, отчаянно выдвигая смешные доводы против, но скоро сдались – победила логика: каждый эксперимент должен быть завершен, как положено... Помнится, ни один не вернулся из тех, кому... Их имена давно стерлись в памяти...

Герд вошел, уселся напротив. Спокоен, невозмутим. Почерпнул за дверью уверенность. Ничего не скажешь, хорошо воспитан мальчишка – не лезет в душу.

Владетель застыл, уставившись в полированную столешницу разделяющего их стола.

Герд упрямо молчал. Он прислушивался к натужному – через силу – дыханию старика, и ему становилось не по себе. Каждый вдох начинался протяженным ступенчато нарастающим всхлипом, в котором чувствовалась беспомощность. Следом ровное шипение выдоха – подготовка к очередному вдоху.

Давила звенящая тишина огромного пустого дворца, где последнее время он обязан бывать ежедневно. Он с ужасом понял, что наконец со всей очевидностью обнаружилось то, о чем он осторожно, примеряясь, думал последние дни: Владетель безнадежен, он обречен.

От этой опасной и такой определенной мысли сделалось страшно.

Не удержался, исподтишка коротко глянул на старика, прямо смотреть на него нельзя – недопустимая вольность. Категорически запрещается Законом.

Глаза старика широко открыты. Гордое лицо покойно и непреклонно. Как на портретах – их множество. Художники не льстят – не осмеливаются, напротив, на последних портретах он выглядит старше и немощнее, чем на самом деле. «Портреты хороши тем, – осторожно думает Герд, – что, рассматривая их, не слышишь дыхания того, кто на портрете».

Он знал, что прошлой весной Владетель был плох. Тогда рискнули, сначала заменили легкие, следом – желудок. Импланты прижились без осложнений. Но надежда, едва затеплившись, обернулась очередной напастью – прошло всего несколько месяцев и началось разрушение печени и почек. Одновременное, лавинообразное. Врачи не смогли хотя бы приостановить процесс. И еще: угнетенное дыхание... Точно какая-то преграда не дает свободно дышать.

Оставался единственный выход – немедленная имплантация. Органы замещения заранее выращены и исследованы в живых плебеях, готовы к пересадке в любой момент. Накануне эту тайну доверительно поведал Герду встреченный на прогулке главный хирург Крон, директор Института здоровья. Но согласие пациента на операцию обязательно, напомнил он строго, таков порядок, испокон закрепленный в одном из специальных разделов Закона...

– На что я смею рассчитывать? – нарушил тишину Владетель.

– Я не готов отвечать. – Герд сжался от звука собственного голоса, его интонация показалась ему слишком безучастной и неуверенной. – Не имею права, если быть точным.

– Это почему же?

– Квалификация... не позволяет... На такие вопросы может ответить только консилиум...

– Послушай меня, мальчик... – сорвался Владетель, – кончай морочить мне голову. – В голосе старика угроза. – При чем здесь квалификация? Ты должен отвечать за себя. Других – консилиум, как ты изволил выразиться, – я сам спрошу, придет время. Не юли, говори как есть. Слушаю.

– Понимаю, – выдохнул Герд, холодея. – Вы вынуждаете меня... но я скажу... Итак... печень и почки разрушены. Это более чем серьезно. Если не предпринять немедленных мер, процесс станет необратимым. Начнется умирание... не только этих органов, но и некоторых других, зависимых... Медленное, мучительное... – Он помолчал, унимая волнение, лихорадочно подбирая слова и не находя нужных слов. – Остается два варианта, вы знаете не хуже меня. Первый – терапия, лекарства, изнурительная диета, жизнь, отдаленно напоминающая жизнь. Деградация... Балансирование на грани. Если просто, растительное существование навсегда подключенным к системе жизнеобеспечения. Дарованные дни и весны в неподвижности... Впрочем, риск минимальный, учитывая наш опыт... За вас будет трудиться техника. Но и перспектив никаких. И второй – радикальный – имплантация. Вариант рискованный, но если удастся его реализовать, вернетесь к полноценной жизни. Разумеется, на какое-то время. На какое именно, не скажу. И никто не скажет. Но, уверен, сможете стоять на ногах, словом, жить, как привыкли... – Он помолчал, и продолжал жестко, не жалея: – Не исключено, что имплантация невозможна – поздно. Господин Крон сообщил мне, будто с вами уже согласовали первый вариант. Он сообщил также, что органы для пересадки подобраны... в живых плебеях. Тщательная проверка на совместимость подтвердила – они идеальны. Ошибки исключены. Точнее, маловероятны. Окончательное решение за вами. Без вашего согласия, никто ничего делать не будет. И настаивать не осмелится. Знаю, что Крон будет протестовать – слишком велик риск...

– Ясно, – оборвал Владетель. – Слова, слова... Ты лучше скажи мне, Герд, ты-то сам готов? Не кто-то другой, не великий незаменимый Крон, а именно ты, лекарь по имени Герд. Готов?

– На что?

– Ты легко говоришь, мальчик, но понимаешь трудно. Скажи мне, готов ли ты действовать?

– В этом мое назначение, – неуверенно произнес Герд, выдержав тяжелый взгляд собеседника. И, собравшись, добавил бодро: – Я всегда готов.

– Ладно, ступай, буду думать. Хотя нет, погоди. Скажи, сколько мне осталось, если... ничего не делать?

– Думаю и надеюсь, три недели, или немного больше, судя по динамике... Точнее скажу... через два дня. Но, уверен, на обезболивающих долго не протянуть – самообману придет конец и тогда...

– Это приговор, – глухо определил Владетель. – Ступай, Герд! Да не оставят тебя боги своими милостями...

Герд немедленно выпал из поля зрения старого человека – исчез.

6

Адам очнулся, открыл глаза. И тотчас ожил будильник – ежеутренний сигнал постоянно включенной трансляции. Вкрадчиво зашелестел, набирая громкость, все более концентрируя ее в отчетливых секундных ударах. Наконец, прорвало – будильник окончательно пришел в себя и суматошно запричитал. Адам потянулся и отключил прибор.

За окном светало, там моросил дождь – капли монотонно били по звонкому подоконнику. Вставать не хотелось. Сегодня можно поваляться в постели вдоволь, разрешил он себе.

Как часто, особенно нестерпимо в последние годы, мечталось однажды нарушить порядок, пренебречь неумолимым сигналом, по которому каждое утро поднимается огромный университет, оставаться лежать, день напролет предаваясь лени. Но всякий раз, стоило крамольной мысли коснуться сознания, он решительно подавлял ее, и она послушно тонула в далеких закоулках памяти, чтобы всплывать вновь и вновь, как только явятся большие мысли и придет пора бороться с ними.

Сегодня необычный день, думал Адам. Он уже не студент, он взрослый самостоятельный человек. Бесконечно долго он шел к этому дню, много и напряженно думал о нем, представлял себя в этом дне. И вот этот день настал и не принес ничего особенного – обычный дождливый денек, рядовой день жизни.

Комната, предоставленная ему в одном из домов низшего ученого сословия, была вещественным подтверждением нового статуса. Она оказалась просторной и не шла ни в какое сравнение с тесной клетушкой в студенческом общежитии, бывшей его пристанищем на протяжении нескончаемых десяти весен. Как он там помещался было загадкой, учитывая, что за время учебы его габариты увеличились по меньшей мере вдвое по всем измерениям, а вес и того больше – почти вшестеро.

Там, кроме него, хватало места только узкой твердой лежанке, навешенной на стену, столешнице, консольно закрепленной напротив, на которой располагался терминал объединенной вычислительной сети, клавиатура ввода и плоский монитор, из экономии пространства утопленный в неглубокой нише стены. Расстояние между лежанкой и столешницей было настолько малым, что, только подняв лежанку и зафиксировав на разболтанных шарнирах в замках на стене, можно было протиснуться на складной стул без спинки, прятаясь до того под лежанкой...

Передняя стена его новой комнаты полностью стеклянная. Рабочий столик терминала у окна, широкая плоская кровать в глубине, не такая жесткая, как в общежитии, встроенный вертикальный шкаф с зеркальной дверцей от пола до потолка. В шкафу стандартный комплект одежды, сшитой заранее по его меркам. Рядом едва различимая дверца в душ и туалет – вот и все, что досталось ему для выполнения первой самостоятельной работы.

Он еще не решил, чем будет заниматься ближайшие три весны. Именно такой промежуток времени выделялся выпускникам на выполнение обязательного этапа взрослой жизни – обретения низшей степени доктора. Только теперь он начинал понимать, что слишком разбрасывался во время учебы. Загоревшись, брался за одно, остывал, переключался на другое, далекое, не связанное с первым увлечением, не замечал, как возникало и захватывало третье... И всякий раз усвоив одну программу, давшуюся без напряжения, он терял к ней интерес, переключался на другую, обычно существенно отличающуюся от первой. И скоро понимал, что все уже настолько основательно выполнено предшественниками, что какое-либо развитие может быть только тупым пережевыванием однажды съеденной пищи. Тогда он бросал освоенный массив знаний и искал новую цель. Он был слишком широк. Недаром куратор во время их регулярных бесед с глазу на глаз упрекал его в избыточном многообразии интересов при

недостаточной глубине постижения. Природная сообразительность вела его только простыми путями.

Он знал, что в ближайшие дни заставит себя сделать выбор. Будет работать, не отвлекаясь, и завершит задание в срок. Представит диссертацию ученому совету университета, получит одобрение. И следом произойдет самое ожидаемое событие в жизни – его переселят в один из освободившихся коттеджей поселка докторов. У него будет не только собственное пространство, в котором он заживет один, но за домом, что особенно привлекало, будет крохотный клочок настоящей земли, – его личный дворик, отгороженный от соседних таких же дворов невысоким аккуратным забором из листов непрозрачного стекла зеленого цвета. А на открытой веранде под широким навесом, продолжающим дом в направлении дворика, будет ждать удобное кресло-качалка с пружинящими спинкой и сиденьем, в котором он будет тонуть по вечерам и, покачиваясь, размышлять о жизни, пока не стемнеет и не придет время ложиться спать.

Именно такой дом и дворик, и даже старенькое кресло-качалку ему доводилось видеть в доме куратора учебной группы, куда он время от времени по выходным приглашался в гости.

Он принимал приглашения как награду за отличную учебу и исполнение обязанностей монитора учебной группы, и поначалу отчаянно гордился тем, что его выделяют среди сверстников. Однако скоро понял, что он всего-навсего здоров в отличие от остальных студентов, страдающих тяжелой болезнью, о которой никогда не говорили прямо, но которая постоянно подразумевалась.

Он наблюдал, как к концу недели некоторые студенты изменяются, из них точно выпускают воздух. Обостряются, светлеют лица, гаснут глаза, движения становятся вялыми и неловкими. В полудреме бродят они по аудиториям или тесно сидят по-птичьи парами и о чем-то шепчутся – общаются, в бессилии прикинув головами друг к другу.

После первых же грозных симптомов группу усаживают в транспорт. Особенно слабых, у которых болезнь зашла слишком далеко, ведут под руки или несут на носилках. Ребят увозят в Дальнюю лабораторию, где кровь, переставшую переносить кислород, частично заменяют живой донорской кровью, недостаток же восполняют искусственной жидкостью, все еще несовершенной, несмотря на бесчисленное число весен, потраченных на основательные исследования.

Возвращаются они утром, спустя два дня. Загорелые, как после отдыха на море, с виду абсолютно здоровые. Приступают к учебе с охотой изголодавшихся, быстро наверстывают отставание... Обычно после мучительной и опасной операции пациенты нормально живут неделю, реже две, и все повторяется в раз и навсегда заведенной последовательности.

Он жалел несчастных ребят, не решался звать их в свою здоровую жизнь, а они не жаловали его в своей – больной, ненадежной. Потому-то в его отношениях со сверстниками не было ни тепла, ни даже простого понимания. Поначалу изоляция тяготила Адама, но постепенно он свыкся с одиночеством.

И все же возникла первая ниточка, связавшая его с окружающим миром, – в его обособленную жизнь вошел Герд, студент медицинского факультета. Адам встретил Герда неприветливо, не умея совладать с отчуждением, но понемногу смягчился и понял, что уже давно надеялся встретить именно такого друга. Его словно прорвало. Он сразу почувствовал, что Герду можно довериться, не опасаясь за последствия. Герд даже при своей общительности не мог быть стукачом, к тому же Адам только подозревал о существовании провокаторов в студенческой среде, но никогда не встречался с ними. Правда и крамольных мыслей он не высказывал, да и не знал толком, какие мысли следует считать крамольными. Он также смутно представлял себе наказания, которые полагаются за крамольные мысли.

Первое время знакомства Герд настойчиво заговаривал с Адамом, когда они оказывались в обеденный перерыв за одним столом. А однажды присел рядом на стадионе во время контактной игры в мяч команд извечных соперников на поле – инженерного и медицинского

факультетов. Он с такой яростью болел за своих и так радовался победе противников, что Адам счел нужным спросить его об этой странности, ведь принято было болеть за свою команду, радоваться ее победам и печалиться из-за проигрыша. Герд спокойно ответил, что не страдает патриотизмом такого рода и что не обязательно брать сторону сильного и успешного. Разумеется, в спорте, подчеркнул он тогда и, помолчав, объяснил серьезно: он свободный человек, а свободному человеку свойственна, прежде всего, независимость суждений.

Герд тоже был нездоров, его кровь была больна, и нуждалась в периодической замене. Но в отличие от остальных ребят, даже испытывая недомогание, он был неизменно открыт и весел.

Когда сверстников и вместе с ними Герда увозили, наступали пустые времена. В эти дни Адам особенно страдал от своего здоровья и избытка сил, которые некуда было растрачивать. Он бросался в учебу, как в избавление, одолевая самостоятельно программы отдельных предметов и даже старших курсов.

Как-то в один из печальных дней, с того события миновало три весны, он из любопытства забрел в заброшенное лабораторное здание на задворках университетского городка. Преодолев пустой коридор, он отворил единственную дверь в полутемном его конце и вошел в едва освещенный зал – старую химическую лабораторию, заполненную обшарпанными столами и стеллажами.

В дальнем углу зала за старинным столом, заставленным приборами и разнокалиберной стеклянной посудой, порожней или заполненной разноцветными жидкостями, склонившись над микроскопом, сидел старик. Заслышав приближение Адама, он поднял изможденное сухое лицо навстречу, оглядел вошедшего и, ничего не сказав, вернулся к своему занятию.

Спустя минуту, он оторвался от микроскопа, и тихо произнес, кивком указав на стул, стоявший напротив:

– Садись, дружок. Признаюсь, я давно хотел познакомиться с тобой, да все не получалось. Дело в том, что общаться со мной опасно для тех, кто решается на прямой контакт. – Он уставился на Адама живыми внимательными глазами. – Ты удивлен? А ведь я знаю тебя с пеленок. И твоего деда Гора знаю. Когда-то мы были дружны, я частенько бывал в его доме. Ты был мал тогда – шустрый, подвижный мальчик. Первым делом забирался ко мне на колени и требовал покачать. Не помнишь... Меня зовут Антон.

– Не помню, – признался Адам. – Теперь у деда, кроме меня, никто не бывает.

– Сожалею, – сказал Антон. – Мне тоже запрещено выходить за пределы университета. Вот уже двенадцатая весна пошла. Ты, конечно, хочешь знать, почему. – Он помолчал. – Дело в том, что власти считают меня очень опасным человеком. Страшное обвинение в наши дни. Особенно когда лишают возможности объясниться. Но не будем о грустном. Лучше расскажи, как поживает старина Гор. Кстати, он тоже опасный человек. Его наказали иначе – запретили бывать в городе. А еще нам велено помалкивать... Во избежание более строгого наказания.

– Интересно, кому могла прийти в голову такая чепуха?

– Очень важному человеку. – Антон понизил голос до шепота и, привстав, приблизил лицо к Адаму. – Ты этого человека хорошо знаешь. Впрочем, мы все его знаем. Не мудрено – портреты на каждом шагу. Результаты его забот в каждом живом сердце. Слышал эту истину? Еще говорят, что он вездесущ... и вечен. Теперь узнаешь? – Старик откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. – Но... лучше не знать об этом... Пожалуйста, расскажи мне, во-первых, как ты живешь, – заговорил он, очнувшись. – Во-вторых, здорова ли твоя кровь, в-третьих, почему ты надумал прийти сюда, ко мне. Ты не боишься?

– Нет, не боюсь.

– Тогда, что ж, приступай, я тебя слушаю.

– Живу я скучно, у меня совсем нет друзей среди сверстников. Один Герд, но он старше и к тому же учится на медицинском факультете. Кровь у меня здоровая, в Дальнюю лабора-

торию меня не возят. Когда все уезжают, болтаюсь без дела, один,. Поехал бы к деду на это время – не отпускают. Сюда пришел из любопытства, никогда здесь не бывал. К тому же дверь не заперта. Это, пожалуй, все.

– Ты знаешь, чем я занимаюсь?

– Нет, не знаю.

– А узнать хочешь?

– Конечно.

– Тогда слушай. Оказалось, что проблема крови, о которой так много говорят в ученой среде, не главная проблема иступлённых, она следствие иной сложной и неочевидной проблемы – генетической. Из-за последствий Катастрофы геном иступлённых основательно поврежден. Я давно пришел к выводу, что больная кровь самое простое и все же терпимое проявление дефекта. Сорок весен пришлось потратить, чтобы приблизиться к возможности полного излечения болезни крови.

– И вам это удалось? – не удержался Адам.

– Удалось, – сказал Антон. – Я исходил из того, что больному организму нужен ремонт, причем начинать его желательно с самого рождения. Не замена крови, это не имеет смысла – спустя небольшое время болезнь возвращается. Механизм ремонта теоретически несложен, сложно осуществление. Представь себе, что перед тобой ветхое здание, построенное из кирпичей. В давние времена здания строили именно так: определенным образом складывали отдельные пассивные элементы из обожженной глины, скрепляя клеящим раствором. В результате получали прочную однородную конструкцию. Со временем, здание разрушалось, рассыпались, вываливались отдельные кирпичи. Что было делать?

– Разрушить здание и на его месте возвести новое.

– Согласен. Иногда экономически выгодно поступить именно так. А если здание дорого как память?

– Тогда можно отреставрировать, – неуверенно предложил Адам.

– Верно. Удалить слабые или утраченные кирпичи и на их место поместить новые. Это возможно, если в запасе имеются эти самые кирпичи. А если их нет?

– Заменить современными материалами, наверное.

– Этот вариант не годится – утрачивается подлинность. Поступают иначе. Разбирают те части здания, которые не несут нагрузки и не влияют на внешний вид, добывают кирпичи там и решают задачу. Именно так поступаю я. Создаю специальные условия, при которых дефектные элементы генома исключаются и заменяются точно такими же резервными, которых в геноме по неизвестной причине великое множество. Операция, конечно, намного сложнее и рискованней, чем я рассказываю, но не следует ли попытаться довести ее до совершенства?

– Еще бы, конечно следует, – оживился Адам.

– Однако, не спеши с выводами. Как только удастся успешно одолеть болезнь, возникнет неожиданный вопрос: а нужны ли нашему государству все те люди, которых я избавлю от болезни крови? То есть я, сотворив из больных и чахлах людей здоровых и сильных, нарушу некий тайный замысел. Таким образом, Адам, я осмелился сделать вывод; лечить следует не кровь, даже не генетику, лечить нужно общество, которое толком не знает или, что более вероятно, не желает знать своих ближайших перспектив. Пятьдесят весен назад кровь обновляли не чаще, чем раз в полгода. а человек, сумевший прожить до тридцати весен, практически выздоравливал. Сегодня кровь обновляют, как правило, раз в две недели, а случаи полного выздоровления настолько редки, что по ним не ведут статистический учет. Уверен, это положение кого-то очень устраивает. Сначала мне вежливо намекнули, что мои исследования пора свернуть, – они бесполезны. А недавно прямо запретили заниматься этой проблемой. Разрушили отлаженную лабораторию, сотрудников, которым нет цены, рассовали по другим подразделениям, меня, как видишь, оставили одного – доживать. Сегодня я готов заявить,

что проблема практически решена. В доказательство я вылечил трех безнадежных пациентов, от которых врачи отказались. Они больше не нуждаются в помощи Дальней лаборатории. Но когда я осмелился представить этих людей ученому собранию, мне заявили, что мои труды напрасны – общество не допустит их широкого практического применения.

– Это как же понимать?

– Очень просто, юноша. Человек, здоровье которого опустилось ниже определенного уровня, никому не нужен. Он становится обузой, лишним едоком, потребителем благ. От такого человека проще избавиться, чем лечить.

– Но вы говорите, что вылечили этих троих.

– Вылечил. А зачем? Кто меня просил?

– Теперь я понимаю, почему некоторые ребята исчезают, не закончив университет. Они что же, закрывают за собой дверь? Так это называется? Это похоже на прореживание.

– Ты думаешь верно.

– Получается, что вы можете вылечить, а вам не позволяют?

– Ну, да.

Он замолчал, а когда заговорил вновь, в его голосе была такая обида, такая горечь пропитывала каждое его слово, что Адам сжался от волнения и страха. Но старик справился с собой.

– Я могу вылечить почти всех живущих и наверняка тех, кто еще только родится. Но... должны быть приняты мои условия.

– Условия?

– Да, условия. Первое. Должна быть проявлена добрая воля властей на широкий эксперимент. Второе. Нужно вернуться к смешанным бракам – доказано, что они дают здоровое потомство. Третье. Следует отменить экстракорпоральное оплодотворение и вызревание плода в кювете. Только в исключительных случаях – по медицинским показаниям. Если женщина действительно не в состоянии выносить плод...

– Но это же невозможно, – оторопел Адам.

– Напротив, очень даже возможно. Ведь в моих предложениях нет ничего противоземного. Я уверен, человечество едино – это не требует доказательств, это аксиома. Если заняться исправлением ситуации сегодня, для первых поколений женщина обязательно должна быть плебейкой – это тоже аксиома. И вынашивать ребенка она должна самостоятельно, а не перекладывать эту заботу на паршивую кювету... Противоположный вариант, когда мужчина плебей, потребует основательного изучения, хотя здесь на серьезный успех я пока не рассчитываю.

– Значит, и взрослого человека можно вылечить?

– Конечно. Доказательство перед тобой. Вот уже десять весен у меня совершенно здоровая кровь.

– Как вы это сделали?

– Сделал, – сказал Антон с вызовом. – А ты, смотрю, нетерпелив. Сделать-то, я сделал, но в полной безопасности метода пока не уверен. Некоторый риск все же есть. Нужны дополнительные исследования.

– А если попробовать?

– Я же сказал, что мне запрещены любые операции. Официально.

– Слишком много людей развелось?

– Именно. И все требуют внимания и заботы. Дорого получается. Куда как проще фильтровать детей на первом этапе жизни. Остальных – в течение остальной жизни. Дошли до того, что выработали критерий здоровья... Опустилось здоровье ниже определенного уровня – в отход. Как говорится, дальше некуда...

– Не понимаю...

– Это невозможно понять.

– Вы что, действительно можете вылечить взрослого человека?

– Могу. – Антон заметно ожил. – Только кто согласится быть подопытным кроликом?

– Герд согласится. Мой единственный друг. Я упрошу его.

– Тогда нет.

– Почему?

– Потому что друзьями не рискуют. К тому же кто-то должен дать здоровую кровь. Понадобится целый литр. Разумеется, при условии, что совпадают группы и некоторые другие параметры. Для полной уверенности в успехе. Конечно, кровь можно добыть в Дальней лаборатории, да кто же мне даст...

– А если я дам кровь? У нас с Гердом первая группа. У меня хватит крови на двоих.

– Тогда договаривайся с другом, – неуверенно согласился старик. – Попробуем. Через неделю буду готов, сделаем анализы и вперед! Понадобится ассистент...

– Я готов...

Антон больше нет на Земле. Он ушел, вылечив Герда. Ему предложили уйти. Он спорить не стал – согласился...

Однако пора подниматься. Адам одним махом выбросил тело из кровати, вскочил на ноги, прошелся по диагонали комнаты, разминаясь, ощущая голыми ступнями приятную колкую шершавость сплошного ворсистого ковра. Замер перед зеркалом, внимательно рассматривая себя. Как же он отличается от сверстников. Пожалуй, он действительно человек другой породы. Напрасно обиделся на Герда, когда тот высказал догадку будто бы он только наполовину иступленный, вторая же его половина, несомненно, плебейская. Иначе не объяснишь отличия, бросающиеся в глаза. Герд медик, он разбирается в таких тонкостях.

В доказательство своей правоты, чтобы успокоить друга, Герд терпеливо и вежливо перечислил его отличия от иступленных. Высокий рост, на голову выше любого, мускулистая грудь, тяжелые мощные руки, которые так мешают ему, широко развернутые плечи, большая голова на крепкой шее – все это решительно выделяло Адама среди низкорослых сверстников и подтверждало догадки Герда.

Он, конечно же, знал о своих особенностях, смирился с ними, как смирился с тем, что его организм не содержит ущерба.

Завершив утреннюю разминку, он вступил в замкнутое пространство душевой кабины. Герметичная дверь плотно притворилась за его спиной. Он коснулся пальцем светящегося изображения горшка на панели управления. Из задней стенки на консольном поддоне бесшумно и плавно выдвинулся горшок темно-коричневого цвета с ярко-желтым пластиковым сиденьем, принял его тело, дождался, пока Адам выбросит отработку, скопившуюся за сутки, и, как только он поднялся на ноги, так же бесшумно спрятался в стене.

Очередным значком было изображение падающей воды. Адам коснулся его и тотчас же на голову, на тело обрушился сплошной столб ледяной воды. Удар был настолько сильным, что он с непривычки присел, но вода скоро слилась, ушла сквозь сетчатое дно кабины, сменившись приятно согретой струйчатой метелкой душа. Одновременно автоматически включился калорифер, пульсирующий поток теплого воздуха заполнил объем кабины и высушил тело.

И сразу же в стенке, щелкнув, открылась шторка. Из окошка выдвинулась платформа с горкой свежей одежды, уложенной в порядке, в котором следовало одеваться.

Над шторкой засветился зеленый мерцающий прямоугольник, строки текста и цифр на нем содержали параметры крови, пульс, артериальное давление, кислотность в желудочно-кишечном тракте... Читать дальше Адам не стал, ничего интересного дальше не было. Текст завершался словом, выполненным более крупным шрифтом вразрядку: «ЗДОРОВ».

Он знал, что отныне эта опция будет сопровождать его на протяжении всей жизни до той поры, когда вместо оптимистичного ярко—зеленого слова «Здоров» появится перечень болез-

ней, избавиться от которых его заставят общим для всех исступленным способом, отдающим безнадежностью, – велют закрыть за собою дверь. Но это случится еще нескоро, успокоил он себя.

Он быстро оделся и вышел из душа.

В своей комнате Адам не держал никакой еды – в жилых помещениях этого уровня держать пищу не полагалось, придется завтракать в столовой на первом этаже. Но как же ему не хотелось видеть сейчас сокурсников. Они наверняка теперь там и как всегда строят грандиозные и однообразные планы на будущее.

Он спустился на первый этаж в открытой кабине лифта. На последнем переходе к столовой по ярко освещенной галерее из боковой ниши наперерез ему метнулась темно-серая фигурка в ниспадающем крупными вертикальными складками балахоне с остроконечным капюшоном, наполовину скрывавшим голубовато-бледное лицо. Это была Тея.

Адам немедленно узнал ее по желтым несоразмерно широким и на вид тяжелым сандалиям. Невесомая фигурка Теи опиралась на них и, казалось, только благодаря этому удерживалась вертикально. Ее острый подбородок, видимый между крыльями капюшона, был надменно приподнят, узкие ярко-красные губы придавали лицу вызывающе строгий вид. Будоражащее чувство протеста ожгло Адама, захотелось во что бы то ни стало избежать этой неожиданной встречи, но было поздно. Он смирился с неизбежным, остановился.

Тея откинула капюшон и Адам наконец-то увидел ее лицо целиком. Ее огромные серо-голубые глаза блестели, они смотрели на него прямо, прикрываясь время от времени тяжелыми синеватыми веками. В эти мгновенья лицо девушки мертвело и напоминало не лицо человека, а белесую плоскую маску, перечеркнутую ярко алой горизонталью губ. Ее редкие рыжеватые волосы были гладко зачесаны и собраны на затылке в жалкую тугую метелку. Но глаза открылись и лицо ожило.

– Адам, сделай одолжение, – заговорила Тея, – объясни, почему ты меня избегаешь. Ты ведешь себя так невежливо, точно мы совершенно чужие. Не даешь себе труда выслушать меня хотя бы из простой учтивости... Повторяю: я требую внимания. Ты должен оставить свои дурачества и усвоить простую истину: мы с тобой обручены. Это событие произошло не сегодня и даже не вчера – нас соединили в раннем детстве, ровно четырнадцать весен обратного отсчета. Мне тогда исполнилось три весны, тебе – шесть. Не понимаю, почему я должна напоминать тебе об этом событии? Зачем ты унижаешь меня? Нас с тобой связали навсегда, и отменить этот удивительный для тебя факт не в силах не только никто из живущих на земле, но даже сам... бессмертный Владетель, храни его боги. Ни ты, ни я не смеем сомневаться – у нас нет такого права. Это государственное решение. Ты делаешь вид, что ровным счетом ничего не знаешь о нашем союзе, но, пойми, этот факт не подлежит обсуждению. Решение останется таким, каким было провозглашено в те давние времена, когда ни ты, ни я ничего не решали. И напоследок замечу: этому событию были многочисленные свидетели. его ждал весь наш народ, все исступленные молили богов, чтобы оно свершилось. Теперь, Адам, говори, я тебя слушаю.

Адам дослушал ровный бесстрастный поток гладких обкатанных слов, с трудом воспринимая их смысл. Он не мог согласиться с тем, что это неизвестно откуда взявшееся существо, неотступно преследующее его весь последний месяц, – синеватая мордочка с ярко-красными губами, костлявая фигурка – кожаный мешочек с костями, имеет на него какие-то освященные временем и людьми права и вполне серьезно намеревается жить с ним одной жизнью.

– Почему же ты молчишь, Адам? Тебе нечего сказать?

– Я ничего об этом не знаю, – вытолкнул из себя Адам и понял, что не в состоянии сосредоточиться и что он попросту жалок. – Возможно, это событие произошло на самом деле,

и люди связали нас... как ты говоришь, воедино. Мне приходилось слышать о подобном обычае. Но когда это было... Прошло столько времени... Не понимаю.

– Придет время, поймешь, – произнесла Тея все тем же механическим голосом, в котором оживала угроза. – Ну, а если не поймешь... Тогда что ж... Остается последнее универсальное средство: ты закроешь за собой дверь. Поплотнее. Человек, нарушивший обещание, достоин такой участи.

– Последнее время только и слышу: закрыть дверь за собой. Что это означает, ты можешь мне объяснить?

– Ты и этого не знаешь? – Презрительная гримаса исказила лицо Теи, ее широкий рот дрогнул – возможно, так она попыталась улыбнуться. – Удивительно, чему вас только учат целых двенадцать весен. Ладно. Я высказала тебе то, что думаю по этому поводу. Я ухожу, ты остаешься. Надеюсь, ты поумнеешь, и тогда мы обязательно встретимся и вернемся к нашим проблемам.

Тея развернулась на месте, ловким движением натянула на голову капюшон и поспешила прочь, только желтые сандалии замелькали. А Адам подумал, что никак не может представить себе девушку в профиль, и эта мысль показалась ему странной и неуместной.

В столовой было на удивление пусто. Адам подошел к стойке, за которой суетилась маленькая проворная девушка-робот. Она подняла на него голубые стеклянные глазки, часто захлопала густыми ресницами, что следовало понимать как вопрос о номере варианта завтрака – роботам запрещалось заговаривать первыми.

– Пожалуйста, второй, – произнес Адам, стараясь, говорить как можно отчетливее.

– Нам заменили детектор, господин, – сообщила девушка приятным низким голосом. – Теперь мы легко распознаем даже неразборчивую речь, а вы говорите так четко...

– Ольга! – грубый гортанный окрик исходил неизвестно откуда. – Ты чего это разболталась с молодым господином? Делаю тебе замечание. Это уже второй случай, когда ты отлыниваешь от работы. Поторопись! Ты достукаешься у меня. Я, кажется, сдам тебя на запчасти...

– Не нужно на запчасти... – пролепетала Ольга. – Только не это. Я еще не отработала ресурс.

– Опять споришь? – Все тот же ворчливый голос угнетал.

– Будьте добры, оставьте девушку в покое, – попросил Адам вежливо. – Это я виноват. Нужно было остановить ее.

– Вы, молодой господин, не можете быть виноваты по определению. – Голос заметно смягчился. – Так и быть, по вашей просьбе я снимаю второе замечание. Приятного вам аппетита, господин выпускник, кушайте на здоровье.

Ольга уже протягивала поднос с дымящейся тарелкой пресной овсяной каши, тонким ломтиком подсушенного хлеба и чашкой утреннего кофе – второй вариант завтрака.

Адам принял поднос, оказавшийся довольно тяжелым, и подумал, как же справляется с ним хрупкая девушка. Но, опомнившись, сообразил: перед ним не живая девушка – робот, и рассчитана она на значительные нагрузки, многократно превышающие вес подноса. Тотчас в памяти явилась Тея, встала рядом с Ольгой, и он решил, что Тея очень похожа на робота.

7

В далекой юности он избежал пути низости и предательства. Тогда от падения удержал, отвлек поразительно своевременный рассказ отца о безжалостной расправе с прахом усопшего господина, чему тот еще подростком был свидетелем.

...Народ по обычаю в великом множестве набился в главный храм столицы, рассказывал отец, чтобы проститься с Владетелем. Сплотились тесно, не вздохнуть вокруг каменного ритуального стола, на котором покоились искусно размалеванные останки почившего, увернутые в государственный флаг. Рослые гвардейцы в оранжевых парадных мундирах, безоружные по случаю траура, упираясь изо всех сил, удерживали свободное пространство.

Но вдруг, когда торжественное прощание приближалось к концу, тишину храма взорвал молодой истошный вопль, яростно клеймящий покойника, призывающий немедленно разделаться с ненавистным прахом. Это был юноша. Его хула взорвала толпу, его ярость была неподдельной и страшной, поддержка – единогласной.

Прежде он часто видел этого человека в коридорах университетского пансиона. Обычно тот, отрешенный, стремительно проходил сквозь суматошную толпу студентов, ни на кого не глядя.

Люди, в мгновение утратившие человеческий облик, смяли гвардейцев, разорвав цепь охраны, бросились к столу одновременно со всех сторон. Короткими стальными крючьями, скрытно внесенными в храм под одеждой, шалея от смелости, стащили смердящую плоть на камень пола и под дикий вой беснующейся толпы, мешая друг другу, проволокли через весь город до свалки ненавистный труп недавнего господина, которому поклонялись еще накануне, отдавая царские почести. И бросили там на потребу шакалам – в те смутные весны их расплодилось великое множество...

Этот страшный рассказ отца удержал его от открытого бунта, когда явилась уверенность, что Владетель, ни на шаг не отпускавший его от себя во все время затянувшегося умирания, ни за что не оставит его, молодого и сильного, жить дальше. Приближенный робот, с которым он коротал время дежурства за игрой в шахматы, предупредил, что уже принято решение о большой чистке в ближнем круге, и если он рассчитывает уцелеть, надобно спешно уносить ноги.

Он не воспользовался советом железного друга, а осторожно подумал, что не бежать нужно – некуда, всюду достанут, а поспешить, пока есть доступ к телу, и облегчить страдания дряхлого старца. Но эта мысль, к счастью, не стала делом.

Спустя несколько дней старик мирно затих, не проснувшись после дневного сна. Вместе с его смертью вернулась воля и с ней надежда. Однако преступная неосуществленная мысль, занозой застрявшая в памяти, долгую жизнь не оставляет в покое, продолжая смущать.

Едва отошли торжественные похороны, как осиротевших господ, вершащих дела на Острове, охватило прежде неведомое уныние. Всем стало ясно вдруг, что отныне некому жестко определять каждый их шаг, дальше придется жить своим умом, оправдание гнетом тирана уже не спасет.

Первым срочным делом, не терпящим отлагательства, были выборы преемника.

Однако это оказалось непростым делом. Угнетенные жесткими порядками завершившегося правления, сенаторы были настолько лишены собственной воли, что, сбросив оковы, совершенно растерялись. Они то ссорились, то мирились, но найти преемника не удавалось, а время поджимало и, по словам надзирающих, улица готовилась поднять хвост.

Сложность выбора состояла в том, что любой кандидат неизбежно был ставленником одного из двух враждующих кланов, его избрание немедленно приводило к существенному нарушению равновесия, чего все панически опасались. Тогда кто-то отчаянный предложил

послать за ним, зная о его непричастности к межклановым разборкам. Только такой человек, беспристрастный и начисто лишенный амбиций, способен был уравновесить противоречия.

Он выслушал ходоков вежливо, но спешить с согласием отказался. Он был слишком искусен властью и достаточно умен, чтобы довольствоваться жалкой ролью исполнителя чуждой воли. Получалось, что какие-то люди, которых он знал лишь внешне, заранее сочли его существом зависимым, единственным назначением которого отныне и навсегда должно было сделаться скрупулезное соблюдение чужих интересов. Потому, не дав ни тем, ни другим никаких обещаний, он прервал переговоры, на прощание высказавшись, что с посредниками никаких дел иметь не будет, что будет говорить только с теми, кто имеет право решать. Господа немедленно поняли, с кем имеют дело, и согласились с его кандидатурой в Сенате без каких-либо дополнительных обещаний с его стороны.

И его избрали – буднично и скоро.

Вступив в должность, он, не теряя времени, взялся за государственные проблемы с молодым рвением и первым же делом бесповоротно отодвинул тех, кто все еще не оставлял надежд, что его удалось закрючить.

В мальчишеском азарте от удивительных превратностей судьбы он позволил себе дурной поступок – потревожил покой почившего господина, помянув пристрастно лихую затею его последних дней – готовящиеся репрессии. Не удержался от глумления, которого от него никто не ждал и не требовал. Этот свой грех, не покаявшись тогда же, он упрятал в дальние закоулки памяти и извлекал на свет лишь в редкие минуты слабости и обнажившихся укоров совести. Те же, кто присутствовал при этом досадном событии, вскоре по его тайному повелению отправились в мир иной, не успев разнести весть о неловком предательстве молодого господина.

Обосновавшись на вершине, и осознав, каково быть там одному, он обнаружил, что всякая власть, едва осуществившись, невольно и естественно устремляется к бесконечности. То есть к такому владению людьми, их настоящим и будущим, их свободой и несвободой, их душами и рассудком, какое позволяет повелевать не ради дела или идеи, а единственно ради того, чтобы повелевать. Жажда власти, как оказалось, испокон владевшая им, постепенно превратилась в страсть, которую он со временем не считал нужным скрывать.

Вскоре он понял, что сладкая мечта о свободе всех и во всем не более, чем юношеский максимализм, от которого следует избавиться, – лучше одним усилием.

Потому, едва приступив к осуществлению своих обещаний о справедливости и демократии, он сначала осторожно, шаг за шагом, затем с нарастающей скоростью скатился к единовластию, убедив самого себя, что демократия слишком концентрированный продукт для непосредственного применения, что она нуждается в предварительном размягчении для последующего придания ей строгой и окончательной формы.

Осуществляя первый этап освоения власти, он решительно пренебрег надеждами окружающих на демократические преобразования, искусно приправив их тоталитарными скрепами, отчасти превратив в собственную противоположность. Последовал неожиданный эффект: жизнь стала проще, устойчивее. Стало меньше туманных рассуждений и больше прямого бездушного, но полезного действия.

Следом он провозгласил на первый взгляд странную, но, как оказалось позже, рациональную идею сосредоточенного развития, исключая малейшие отвлечения на пустяки. Достаточно было исходную точку пути и вожденную цель в сознании исполнителя связать не извилистой кривой, которая обязательно содержала элемент случайности и произвола, удлинняя путь и время, а красивой безукоризненной прямой, малейшие искривления которой на досадных препятствиях не допускались принципиально. И, как ни сомневались недоброжелатели, у него получилось. В результате внедрения этой идеи в сознание каждого гражданина стало легко и просто управлять огромным механизмом государства.

Время спустя, окончательно осмелев, он объяснил самому себе причину своего превращения: каждый властитель совершенно естественно стремится к тому, чтобы общество было единым и однородным. Его не должен смущать немедленно возникающий вопрос: а возможно ли такое общество, если оно состоит не из роботов с одинаковым программным обеспечением, а из живых людей? Ведь известно, что в природе не может быть ни однонаправленного усилия множества разнородных сил, ни единого восприятия окружающего мира, как не может быть единых для всех мышления, любви, страдания, счастья...

Постепенно он обрел уверенность, что люди в подавляющем большинстве незатейливы, терпеливы – такова их природа. Но проходит время и немислимое давление, обрекающее поколение за поколением на беспросветное скудное существование, становится невыносимым, а лукавые разговоры о том, что нужно еще потерпеть, что скоро, очень скоро жизнь наладится и все будут счастливы, более не воспринимаются измученным человеческим стадом в качестве руководства к действию, а рассматриваются как издевательство над здравым смыслом.

И здесь после длительных рассуждений нашелся выход: достаточно проявить настойчивость и внушить суетливому человечеству, что о нем думают и заботятся, на самом же деле даже не помышляя о такой глупости, как оно добровольно соглашается с отступлениями от первоначального замысла о вожденной счастливой жизни. И не успеешь оглянуться, как стадо начинает верить, что всеобщее счастье не более, чем красивый миф, недостижимый принципиально, и что смягчить этот грустный факт можно лишь искренним согласием на самоограничение. С этого момента, он заметил сразу же, начинается преобразование разрозненной толпы в сплоченное государство, способное предоставить своим гражданам более или менее достойное существование. В конце концов он твердо уверовал в то, что иначе не бывало, не бывает и никогда не будет.

Теперь, когда его жизнь подходит к концу, он отчетливо сознает всю жестокую сущность своего правления, пробует оправдаться тем, что старался – изо всех сил. Не всегда получалось – обстоятельства оказывались сильнее. Он превратился в человека, подтолкнуть которого в бездну не откажутся многие из живущих рядом.

Сколько сил поначалу пришлось положить, чтобы утихомирить муравейник, в котором каждый враждовал с каждым. Решительно и навсегда разделить иступленных и плебеев, предотвратив назревавшее смешение. Создать единый для всех скудный язык, поначалу яростно отвергаемый уцелевшими эстетам, но, как выяснилось позже, удобный для общения с автоматами. Правда, проблему эстетов все же пришлось решить кардинально – привыкнуть обходиться без них.

Удалось, преодолев яростное сопротивление, ввести систему ограничения жизни по здоровью – по способности к полноценному труду... Заодно выкорчевать корни, подавить память, разорвать связи...

Во имя чего? – спрашивал он себя в минуты откровенности. Это же, как лишить людей тени, которая может располагаться позади – прошлое, или впереди – будущее. Так было нужно, всякий раз строго отвечал он самому себе.

Что оставляет он, уходя? Совершенное государство, о котором мечталось в неловкой юности? Но разве то, что строилось трудно, без вдохновения, порой через силу может быть совершенным? Не успел заметить, как реальность – по преимуществу бессмысленная суета и вздор – перемолола бездну времени, обесценила мечты.

Только теперь, на закате, когда не осталось ни сил, ни желаний попытаться что-то исправить, он отчетливо осознал, что всему виной бесконечная власть, свалившаяся на голову слишком рано, поработившая без надежды. Власть, о которой осторожно мечталось в юности и которой, обретя ее, наконец, он не думал ни с кем делиться. Так ребенок не желает делиться любимой игрушкой, что совершенно естественно. Он вынужден был принимать решения

и одновременно осуществлять их. Иногда приходилось полагаться на других, верить. Но он быстро понял, что верить нельзя – никому. Ведь поверить означает подпустить к себе другого человека настолько близко, что неразличимой размытой становится граница раздела, и полностью, как за самого себя, отвечать за этого человека. Чтобы реализоваться в полной мере человек должен быть одинок, у него не должно быть отвлечений в виде привязанностей к другим людям, которых настойчиво и неточно именуют близкими. Он был уверен, что нет более далеких людей, чем пресловутые близкие.

И все же, несмотря на досадные издержки, ему удалось выстроить государство, в котором присутствует простая гармония. Каждый гражданин, иступленный или плебей, точно знает, что ему делать в следующий момент жизни. Остро ощущает границы, переступать которые не стоит ни под каким предлогом. Не берется оспаривать истину, что время, отпущенное для жизни, конечно и трепещет в ожидании момента, когда его здоровье опустится до минимального уровня и он превратится в обузу.

А как сложно было довести до ума Систему? Знать, чем занят каждый отдельный человек, где он находится, о чем думает и не угрожает ли спокойствию окружающих, государству, наконец, самому себе.

Ограничили численность плебеев, вернувшись к стерилизации части мальчиков – будущих рабочих. Обуздали избыточное либидо в течение рабочего периода незаметным вмешательством химии в пищевой рацион. Проблемы экономики и промышленности разрешили ужесточением структуры производства и потребления. Развернули роботостроение для продовольственного сектора, высвободив капризный живой персонал и заменив его безответными роботами.

Бесконечная череда частных проблем, в решении которых удавалось добиться успеха, сменилась проблемами планетарного масштаба. Земля умирает, сушу неумолимо поглощает Океан, осталось всего два острова, пригодных для жизни небольших колоний. Из семимиллиардного населения после Катастрофы уцелело не больше двухсот тысяч. Причем первым нескольким поколениям пришлось ютиться в невыносимых условиях, глубоко под поверхностью, в заброшенных шахтах, при недостатке кислорода и пищи. Но уцелели, выбрались на свет, освоили оставшиеся территории, организовали промышленное производство, добычу средств пропитания. Теперь предстоит все накопленное богатство бросить и пока не поздно обратиться на далекую Терцию. По прогнозам ученых через десяток поколений Земля перестанет существовать. Земная цивилизация, казавшаяся вечной, доживает последние весны – будущего нет.

Массовое переселение на Терцию предопределено и в основном подготовлено. Мертвая планета почти без атмосферы, то перегретая, то ледяная, но в перспективе пригодная для жизни. В течение нескольких поколений предстоит жизнь в скафандрах, пока будут построены жилища, способные защитить от тепловой радиации днем и космического холода ночью.

Восемьдесят весен велись работы третьей экспедиции, результаты ничтожны. И никаких сил вмешаться, навести порядок – слишком долго летит информация. Опоздание четырнадцать весен – пропасть времени. Известно, что там накоплена атмосфера – почти двадцать процентов земной, есть вода, но немного и только соленая, редкие дожди, непрерывные ветры. Уже прижились простейшие растения, мхи, водоросли. Об этом, как о великой победе, неустанно трубят на всех перекрестках. Но недавно поток информации с Терции оборвался. Последние сообщения свидетельствуют, что живых людей в колонии не осталось – продолжают жить автоматы...

Ему повезло в отличие от тех, кто растет теперь. У него был отец, было детство. Но главное, был отец. Он все еще жив, его отец. Владелец точно знает, что старик живехонек и даже вполне здоров, хотя по Закону давно должен закрыть за собою дверь. Ему докладывают

об отце – напоминают. Он не просит об этой услуге и всякий раз раздражается. Они не встречались с рождения сына – долгие двадцать весен. Пожалуй, они враги.

У него есть сын – его постоянная боль. Он увидел мальчика в момент появления на свет, видел небольшое время после... Сын вырос, ему и об этом докладывают. Теперь Адаму двадцать весен – взрослый мужчина. Интересно, каким он стал, лишенный семьи и любящего отца рядом? По Закону любящий отец самый страшный враг исступленного. Любящим отцам, этим презренным извращенцам, предлагалось немедленно закрыть дверь за собой. Их не осталось на Острове – любящих отцов. Вывелись. Нисколько не жаль. Жалость непростительна.

Он знал, что его отец, вопреки требованиям Закона, не таясь, принимает участие в жизни вунка. Поведение отца раздражает – угнетает отчетливый привкус предательства.

И все же он жил. Как ни трудно, как ни опасно было жить. Он не только жил, он был счастлив. Его кратким ослепительным счастьем была Вера, плебейка, которую он встретил на Континенте, – обширном острове, оставшемся от бескрайней Евразии. Едва миновала шестнадцатая весна ее жизни – совершеннолетие. Она была избрана и готовилась к свадьбе.

Этот обычай – общие свадьбы – он завел вскоре после обретения высшей власти, когда впервые задумался о непомерно растущей численности плебеев. Предписано было девушек, выращенных в инкубаторах и достигших совершеннолетия, и через одну из свободного племени славов дважды в год отправлять в город и распределять между рабочими плебеями.

Забеременевших возвращали в инкубатор, где содержали до родов. После родов они закрывали за собой дверь. Так просто и организованно удалось решить проблему воспроизводства плебеев – поддержание численности едоков на определенном уровне.

Девушки, не сумевшие забеременеть сразу, задерживались еще на одну ночь и закрывали за собой дверь, если и вторая попытка оказывалась безрезультатной.

Посещение Континента через тридцать весен после его окончательного замирения потрясло Владетеля. Оказалось, что девушки у плебеев по преимуществу розовые и вызывающе живые. Он был поражен, они стали сниться ему. Особенно хороши были девушки-подростки, предназначенные для свадьбы. Как они смеются! У них полный рот прекрасных зубов и когда они смеются, их зубы сверкают. Они рвут пищу зубами, когда голодны, и смеются – во весь яркий рот... Смеются без оглядки, без усталости. Тогда явилась ему крамольная мысль: только эти девушки истинно свободны и достойны продолжать человеческий род.

Женщины исступленных жалкие – первое, что бросается в глаза, когда сталкиваешься с этими существами. Их синеватые остроносые лица удручают, не люди – тени людей. Их скудная жизнь, скрытая от мужских глаз, обычно содержит три периода. Взросление до совершеннолетия в полной изоляции общественных инкубаторов, замужество, состоящее в торжественном слиянии в пробирке половых субстанций мужа и жены с последующим оплодотворением в той же пробирке. Зародыш развивается независимо, плавая в кювете до девятимесячного возраста, когда, по готовности, его извлекают на свет, – так рождается и начинает жить исступленный. Любые контакты с биологическими родителями исключены. Попытка разыскать собственного ребенка рассматривается как тяжкое преступление. В дальнейшем супругам разрешается жить вместе, некоторые пары, в которых уцелела остаточная память, так и поступают. А могут разойтись и больше никогда не встретиться. Наконец, третий период – учатся профессии, прозябают в изнурительной работе, живут как растения весну за весной, не тревожимы памятью.

Он не смог отказаться от счастья, преступил Закон – забрал Веру с собой на Остров. Спрятал в своем поместье и почти на весну отошел от дел. Тем же, кто доподлинно знал о его преступлении, повелел закрыть за собою дверь. Он умел защищать свои тайны.

Должное время спустя, произошло чудо – явился на свет мальчишка, его Адам. Он сам принимал роды, потрясенный протяженностью мук, которые на его глазах претерпела Вера.

Когда же его сын отделился от матери, приветствуя мир отчаянным басовитым криком, он принял ребенка на руки. Сначала ему показалось, что мальчик истекает кровью, но, ощутив его сильные движения, он понял, что сын живой. Странно, он не испытал брезгливости, прижимая плотное, ускользающее тельце к груди сильно и нежно одновременно, – туника сразу же пропиталась кровью. Ребенок смолк, почувствовав его тепло, зачмокал губами, улыбнулся... Вера была без сил, она приготовилась покинуть мир. Он удержал ее – не позволил,. Позже с истовым удовольствием и удивлением он наблюдал, как она кормит сына грудью, как возится с ним, пеленает, купает...

Она скоро поправилась – расцвела. Он украдкой следил за нею, не желая признать, что отныне они связаны прочно и навсегда. Рассуждая рационально, он видел перед собой живое существо, заменившее кювету, подобную той, в которой вызревал каждый иступленный на протяжении последних сотен весен. Вера была живой кюветой, чувствующей и страдающей. Он знал, что кювету уничтожают после того, как она выполнит свою функцию. Никому не придет в голову использовать ее повторно. По Закону Вера должна была закрыть за собою дверь. Во-первых, потому, что была плебейкой, и, во-вторых, потому, что родила ребенка. Он был готов распорядиться, забывшись, но что-то не до конца осознанное, скорее всего предощущение тоски, уже подступавшей вплотную, удержало его от шага, за которым, он знал, больше ничего не будет. Он по-настоящему осознал тогда, что выйти за дверь можно только в одном направлении.

Сохранив Вере жизнь и тайно переправив на Континент, он повторно нарушил Закон. Он настоял, чтобы ей поручили управление инкубатором, в котором рождались и вызревали плебеи для обширных рудных разработок провинции. Больше он ее не видел. Сына вместе с роботом-нянькой отправил к отцу, профессору университета, ничего не объяснив и настрого запретив раскрывать внуку правду о его происхождении. Он был вынужден признать самому себе, что на самом деле память о них не была затуманена старческой слабостью, она никогда не покидала его.

Теперь он думал о Вере и сыне не как о людях, с которыми когда-то соприкоснулся и которых должен бы уже забыть, он думал о них с такой достоверностью, настолько отчетливо видел их перед собой – мысленно, что едва сдерживался, чтобы не заговорить с ними.

Ему захотелось немедленно вернуть Веру и сына в свою жизнь, и это желание захватило его. Он решил связаться с отцом, с Континентом, напрямую узнать о них, более не скрываясь, не опасаясь, что кто-то посторонний проникнет в его тайну. Теперь эти игры были совершенно безразличны ему.

Он включил коммуникатор, набрал код отца и услышал его бодрый голос.

– Привет, привет, господин Владелец, рад слышать, а уж о том, чтобы видеть, и не мечтаю, недоступный ты наш. – Следом знакомый смешок превосходства и спокойной совести, неизменно раздражавший его. – Вот думаю, какое невероятное событие должно было стрястись, чтобы ты вспомнил о старике-отце? Шутка ли, двадцать весен миновало... Я вижу тебя только... на портретах и приветствую верноподданно. Положено – по Закону.

«Этот человек никогда не перестанет шутить, – подумал Владелец неприязненно. – Он, пожалуй, дошутится у меня...»

– Отец, – неуверенно выговорил он слово, которое когда-то давно заставил себя забыть, – я хочу знать, как живет... Адам, мой сын. Где он, что с ним? Мне о нем давно ничего не говорят.

– Адам? – старик вскрикнул от неожиданности, но, одолев волнение, продолжал, как ни в чем не бывало: – Адам в порядке. Окончил университет с отличием, выбирает специализацию. Мальчик умный, да что там мальчик, – мужик. И, представь себе, удивительно похож на тебя. Как он до сих пор не догадался? Меня не забывает. Соскучится, нагрянет... А недавно даже ночевать оставался – выпросил разрешение у начальства на целые сутки. Вот уж мы наго-

ворились всласть. Знаешь, его ждет прекрасное будущее, из него формируется незаурядный ученый.

– Здоров ли он? – нетерпеливо перебил Владелец.

– Вполне. По всем мыслимым параметрам.

– А кровь?

– Тебе следовало бы помнить, – обиделся Гор, – что в нашем роду кровь у всех превосходная.

«Не может без нравочений», – подумал Владелец, заводясь.

– Кстати, – продолжал отец, – он три весны пропадал в лаборатории Антона, занимался кровью. До настоящего успеха далеко, но отдельные результаты, по словам учителя, обнадеживают... Вот только жаль, что Антона все-таки доконали твои прихвостни...

– Антон заслужил свою участь, – жестко выговорил Владелец. – Не нужно было лезть на рожон. – Но сбавил напор, помягчал: – А вот у меня дела совсем никуда... Врачи обещают месяц. Нужно решать немедленно. Пожалуйста, навести меня в ближайшие дни. Есть разговор. Буду ждать. Я распоряжусь, чтобы тебя доставили. Попрощаемся... на всякий случай.

Он прервал связь, не дождавшись ответа, и вызвал Континент. Отозвался робот. «Вот и хорошо, – подумал Владелец, – этому ничего объяснять не придется».

– Мне нужна информация.

– Я вас слушаю, господин. Прошу изложить вашу просьбу. Но... минутку. У меня по неведомой причине совсем не высвечивается ваш код подлинности. Вам должно быть известно, господин, что в подобных обстоятельствах я буду вынужден отказать вам в предоставлении услуг связи. Придется доложить начальству о вашем явлении. Извините, пожалуйста, вашего верного слугу, господин...

– Что ты несешь? – возмутился Владелец. – Повторяю, вызывает Остров.

– Вызывает Остров, – эхом отозвался робот и продолжал объяснять со смирением: – Господин, вам должно быть известно, что нам поручено регистрировать каждый сеанс связи и докладывать, если заметим отклонение от нормы. Таково распоряжение господина губернатора Верта по повелению самого господина Координатора... Мы, господин, служим исправно, можно сказать, изо всех наших малых сил. Так вот... объясняю вам еще раз: ваш код к великому сожалению не определяется. Если вы немедленно не назовете его, я ничего не смогу для вас сделать. Простите мое бессилие, господин.

– Прощаю. Хорошо. Тогда дай мне код Большого инкубатора.

– Это также невозможно. И все по той же причине, – невозмутимо выговорил робот. – К вашему сведению я очень занят, господин, мне недосуг с вами...

– Железка безмозглая, чтоб тебя, – выругался Владелец в отчаянии.

– Непотребные слова недопустимы в обществе не только людей, но и роботов, – все так же сдержанно объяснил робот. – К тому же вы нарушили правила приличия, господин. Я уже отправил наш разговор на коммуникатор господина губернатора Верта – слово в слово. Он разберется и примет к вам самые строгие меры, вплоть до...

Владелец прервал поток слов: никакого толка уговаривать железо. «Нужно найти другой путь, – думал он, успокаиваясь. – Попросить Фарна – вот что нужно сделать немедленно. Фарн быстро выправит извилистый путь от возникновения мысли до результата – большой мастер».

У него действительно нет и никогда не было кода подлинности, как нет его еще у трех человек в государстве исступлённых, – у его отца Гора, Координатора Арона и Веры. Эти трое, как и он сам, в Систему не включены, их нельзя контролировать и, главное, невозможно без их согласия заставить закрыть за собою дверь.

Он поднялся, подошел к окну. Пространство перед дворцом было пустынно – первая смена рабочих уже прошла. Но в дальнем углу замаячил одинокий прохожий. Побегом перебежал площадь наискосок – явно опаздывал. «Проспал. Теперь останется без завтрака, – подумал».

мал Владелец. – Будет терпеть до обеда, не сможет работать в полную силу. Непорядок. Обязательно разобраться и наказать. Большие проблемы начинаются с малого. Куда смотрит Координатор?»

8

Отшумели экзамены. Студентов вывезли на отдых в приморские санатории. Университет опустел.

Ректор Игор готовился на все лето перебраться в резиденцию, расположенную в предгорьях. Там его ожидали тишина и покой и, конечно же, непомерно разросшийся учебный трактат по основам драматического искусства. Над своей главной книгой он корпел последние двадцать весен – только в летние каникулы, потому завершения труда в ближайшее время не ожидалось. Работу, небольшие отрывки из которой были опубликованы, уже успели высоко оценить немногочисленные специалисты.

Книгу с нетерпением ожидали в единственном универсальном театре столицы, где ректор считался своим, хотя непосредственного участия в жизни заведения не принимал и на спектаклях которого, за редким исключением, предпочитал не появляться. Пользуясь высоким непрекаемым авторитетом в театральной среде, он по общему согласию считался внештатным цензором и арбитром – представителем общественности.

По устоявшейся традиции с произведений автора, недавно ушедшего из жизни, снимался запрет – его творения подвергались автоматической реабилитации. Их разрешалось представлять публике, разумеется, после тщательного удаления крамольных мыслей и двусмысленных выражений. Причем, именно ректору поручалась самая ответственная часть этого процесса: выбор конкретной пьесы из многообразного наследия почившего автора и ее продвижение на подмостки. Ему предоставлялось последнее слово.

Однако к его неудовольствию переезд со дня на день откладывался, а торжественный выпуск, которого все так ждали и к которому готовились, пришлось на целую неделю отсрочить – старшие группы в полном составе в последний раз вывозили в Дальнюю лабораторию, где им заменили кровь и выполнили основательные ежегодные исследования.

Никто толком не знал, почему медицинские процедуры не были проведены своевременно, все, точно сговорившись, твердили одно и то же: уж так сложилось. По той же непонятной причине задерживался ежегодный врачебный отчет, который для некоторых студентов становился, к сожалению, последним в жизни.

Эти короткие интервалы бездействия в заполненной до предела суетливой, но однообразной жизни университета воспринимались ректором как незаслуженное наказание. Его особенно угнетали дурные предчувствия, связанные с отчетом, – выпускников, чье здоровье за прошедшую весну опустилось ниже разрешенного уровня, предстояло списать на пороге самостоятельной жизни. Жить и функционировать дальше останутся только те из них, кто сможет в полную силу работать не менее трех четвертей времени, установленного Законом. Иступленным, ставшим по какой-либо причине инвалидами, предписывалось оставить этот светлый мир – закрыть за собою дверь. Подчинялись безропотно – привыкли.

С годами его все более тяготил долг быть последним в череде чиновников, которым в той или иной степени поручалось право и обязанность определять судьбу человека, основываясь на объективных рекомендациях врачей. «Грустно терять ребят, выросших на твоих глазах, – втихомолку сокрушался ректор. – Особенно когда знаешь, каких средств и трудов стоит их воспитание в течение долгих весен. Но ничего не изменишь – требования Закона неумолимы».

И хотя он понимал всю нелепость жестоких положений основного документа, ему даже на мгновение не являлась в голову мысль выказать малейшее сомнение в их справедливости. И все же на этот раз во время своего выступления на торжестве он удержался и не напомнил о запаздывающем отчете, чтобы не испортить выпускникам общего приподнятого настроения.

– Можно, господин ректор? – На пороге кабинета стоял Адам.

– Заходи, Адам. Садись. – Ректор оживился, грустные мысли ступшевались и отступили. – Вот сюда, поближе. Я слушаю тебя с превеликим удовольствием. Но сначала отвечай, почему ты до сих пор не выбрал специализацию?

– Никак не решу, чем мне заняться.

– Есть же у тебя какие-то предпочтения.

– Конечно. Проблемы кроветворения. Мне удалось немного поработать с профессором Антоном...

– Даже так? Очень интересно. А я и не знал. – Ректор заметно подобрался, но тотчас расслабился и продолжал сдержанно: – Впрочем, кто только не брался за эту проблему... Да и я, следует признаться, дерзал... в молодые годы. – Он замолчал, с нескрываемым удивлением рассматривая юного собеседника. – Скажи мне Адам, только честно, зачем ты связался с Антоном? Лучший ученик, ни одного замечания, и известный крамольник. Как-то не стыкуется... Антон смолоду страдал страстью к инакомыслию. К твоему сведению эта болезнь заразная, ты рисковал подхватить ее и тогда на тебе пятно, не отмоешься. Не удивительно, что он так печально завершил свою нелепую жизнь. Каждый должен помнить: терпение власти не беспредельно.

– Антон был настоящим ученым, – возразил Адам с той безоглядной запальчивостью, которая так нравилась ректору, и которой он особенно опасался в своих воспитанниках, полагая, что рассеянный свет крамолы, извечно свойственной молодости, может однажды пасть и на его седую голову. – То, что умел Антон, не умеет никто. И едва ли сумеет в обозримом будущем. Он был способен вылечить всех...

– Болтовня, – выкрикнул ректор, теряя самообладание и думая совершенно о другом – хищная физиономия куратора Хрома замаячила перед его мысленным взором. – Не более, чем болтовня. Вздор. Не верю...

– А в то, что Антон вылечил Герда, тоже не верите? Уже третью весну Герду не заменяют кровь...

– Единственный удачный опыт не повод бить в колокола. Тебе известно, что Антон никогда не публиковал своих работ? Не исключаю, что ничего, достойного внимания, у него за душой просто не было. С младых ногтей этот заблудший человек отличался неблагонадежностью. На каждом шагу дерзко нарушал общепринятые правила...

– Он считал, что наши люди достойны лучшей доли, – сказал Адам, не думая сдаваться. – Надеялся улучшить этот мир... Можно ли видеть крамолу в простых и естественных желаниях? Ему не позволили жить... И вы, господин ректор, не последний среди тех, кто жаждал крови несчастного Антона...

– Не слишком ли много ты берешь на себя, Адам? Ты сам пока что жалкий... проросток. Помнишь, как на практикуме по биологии вы проращивали семена пшеницы? Ты видел, как жалко выглядит проросток? Осмеливаешься судить о мужах науки... Это надо же... улучшить мир... и уж никак не меньше. Ну да, конечно, взяли и не позволили. Но почему, не позволили, кто не позволил? Антон банальным фанатик и провокатор. Да, представь себе, провокатор. Известно ли тебе, что он искусно подбивал людей на необдуманные поступки и наблюдал со стороны, что из этого выйдет. По его милости многие пострадали. Ты еще очень молод, Адам, и всего не знаешь. Слушай старика, умудренного жизненным опытом, не прогадаешь. И собственный голос научись слышать, и немедленно умолкай, сообразив, что впадаешь в ересь. И голову слишком высоко не задирай – закружится. Запомни, мы живем в жестком прочном каркасе человеческих связей. Что-то менять опасно. Это же как удалить одну из скреп в сложном сооружении. Вырвешь ее, и при малейшей перегрузке конструкция рухнет... Не исключено, что тебе же на голову. Ты должен об этом знать, не маленький мальчик.

– С Антоном поступили несправедливо, – не сдавался Адам. – Он не заслужил такой участи.

– Я вынужден прервать этот разговор, – сухо проговорил ректор. – Будет лучше, если каждый останется при своем. Хотя мне не терпится переубедить тебя. Больше того, в соответствии со своим положением я обязан сделать это...

Они замолчали. Ректор Игорь остывал, продолжая наблюдать юношу, вольно рассеявшегося перед ним. И вдруг он понял, что завидует этому чистому парню, для которого еще нет никаких запретов. Что ждет его в путаном мире с его бесконечными условностями?

– И все – таки почему ты ничего не говоришь о своих планах? – спросил ректор. – Ты, что же, до сих пор ничего не выбрал?

– Я не хочу оставлять технические дисциплины, – проговорил Адам мирно. – Прежде всего, те, что связаны с космосом.

– Понятно, у космической отрасли самый высокий рейтинг. Там никогда не бывает вакансий.

– Наверное.

– Но не для тебя. Стоит тебе захотеть и ты немедленно получишь достойную должность. Ты окончил университет первым, это серьезное преимущество. И все же знай на всякий непредвиденный случай, если возникнут сложности, обращайся прямо ко мне, не стесняйся. Помогу чем смогу.

– Я и это знаю. Что касается сложностей, они вряд ли возникнут. Но за заботу спасибо.

– Какой же ты, однако, самоуверенный, – натянуто рассмеялся ректор, – а я и не подозревал. Теперь вижу, ты действительно вырос. Но ладно, шутки в сторону. Мне кажется, я смогу тебя занять с пользой, пока ты мешкаешь в неопределенности. Утром поступило интересное предложение. С самого верха. – Он пальцем указал, где находится верх, состроив нарочито серьезное лицо и подмигнув Адаму. – Дело в том, что на Континенте возникли проблемы – год от года снижается численность рабочих плебеев. Это не порядок, особенно теперь, когда завершается подготовка к переселению на Терцию. Принято решение: кого-то из пока еще свободных выпускников отправить на Континент в командировку. Поручить им как следует разобраться в причинах создавшегося положения. По результатам командировки руководство примет меры. Мне поручено подобрать кандидата для поездки. Оказалось, что ты один подходишь по всем статьям. Все, кроме тебя, уже заняты.

– Пошлите меня...

– Ты что, серьезно?

– Ну да. Мне было бы интересно, ведь я ничего не знаю о плебеех. К тому же мне нужно срочно свалить и как можно дальше. Едва ли у вас был такой же мотив.

– Я сам когда-то начинал с инспекции одного из их поселений. На севере Континента. Ох и досталось же мне тогда, – оживился ректор. – Как ты думаешь, Адам, о чем говорит это совпадение?

– Видимо, о том, что мы с вами одинаково понимаем свой долг. Но у меня другая причина.

– Даже так? – удивился ректор. – Тогда я должен знать все. Объясни, почему у нашего первого выпускника столь странное начало карьеры.

– Да что тут объяснять. – Адам помолчал, решаясь. – Давняя история. Оказалось, что в детстве я был обручен с Теей. Я успешно забыл об этом событии, она – нет. Взяла и напонила. Я попытался объяснить, что у меня ни малейшего желания жениться теперь. Да и на ней жениться тоже никакого желания. Я ее совсем не знаю. Она страшно рассердилась.

– Вот так дела, – насторожился ректор, улыбка стерлась с его лица. – А знаешь ли ты, что Тея дочь великого человека, которому не безразлична ее судьба.

– Пока не знаю, но, думаю, очень скоро мне все объяснят. Во всяком случае, так обещала Тея. Если же по глупости или из упрямства я откажусь от женитьбы, моя участь будет печаль-

ной – меня сочтут клятвопреступником и велют закрыть за собой дверь. Не знаю точно, что это означает, но, скорее всего, что-то очень неприятное.

– Твое предположение близко к истине, – сдержанно произнес ректор. – Великий Координатор шутить не станет. Этот господин просто не умеет шутить. Хотя утверждает, что обладает чувством юмора, и обижается, когда ему не верят.

– Потому-то я и надумал слинять... на какое-то время. Тея успокоится, найдет замену. Тогда я вернусь, выберу занятие по душе, начну работать. Но подальше отсюда, скажем, на Луне. Теперь о специализации. Когда-то, когда еще был жив Антон, мне больше всего хотелось заняться проблемой кроветворения. Под его руководством я освоил технологию экспериментов и был готов продвигаться дальше. Теперь же, когда с Антоном расправились, продолжать исследования не имеет смысла. К тому же, как утверждал Антон, эту проблему не позволят довести до результата.

– Ты продолжаешь преувеличивать значение профессора Антона. Что же касается его открытий, призванных осчастливить человечество, здесь нет никакой ясности. Я повторяю, Антон не публиковал своих работ в течение последних тридцати или сорока весен. Никому не известно, что он там насочинял. Повзрослеешь, наберешься опыта, поймешь, что я был прав. Еще раз прошу, оставим этот разговор. Антона больше нет, как нет и проблем, связанных с ним.

– Придется оставить, – неохотно согласился Адам.

– Вот и хорошо, – сказал ректор после непродолжительного молчания. – Я помогу тебе. Хотя все еще не понимаю смысла твоего поступка. Координатор доберется до тебя всюду, едва ли тебе удастся умиротворить этого человека. Уж если он забрал в голову... Разумнее договориться с Теей. Кстати, я принял ее к себе в ректорат на время моего отпуска. Нужно же кому-то быть на связи, отвечать на обращения... Завтра она выходит на службу. Может быть, мне поговорить с ней? Разумеется, если ты предоставишь мне соответствующие полномочия... Я бы рискнул. Она девушка смышленная.

– Ну, уж нет, не стоит. С Теей я разберусь сам.

– Тогда отправляйся на Континент. Документы готовы, остается внести твое имя и код. Получишь деньги на расходы в нашем банке. Я распорядюсь. Вот тебе программа инспекции. – Ректор протянул Адаму чип для коммуникатора. – Там же мои координаты на непредвиденный случай. Связывайся, не стесняйся. И помни, с плебеями нужно быть постоянно начеку... они непростые ребята. Среди них встречаются потрясающие экземпляры. Иногда мне кажется, что строгая изоляция плебеев не дальновидна. Они могут быть по-настоящему полезны хотя бы потому, что у них нет проблем с кровью. Но это слишком сложная тема, Адам, уверен, не нашего ума... Теперь иди и пусть тебе сопутствует удача...

«До чего же парень хорош, – с завистью думал ректор, выпроводив Адама. – Странно, но он так напоминает меня самого в этом же кабинете почти шестьдесят весен тому назад. Отличие состоит лишь в том, что я был тогда совершенно свободен и, главное, не был ни с кем обручен».

«И все же придется связаться с Хромом, – продолжал он думать, – поведать куратору в самых общих чертах о дурных веяниях в среде выпускников, разумеется, не называя имен. Имена Хром вычислит сам, когда понадобится, у него свои методы и свои люди, мое дело – сторона. Но порядок есть порядок и спорить с этим не стоит, как не стоит поощрять юношей в их безрассудстве».

9

В кабинете Координатора, куда Клупп вошел в сопровождении робота из охраны дворца Владетеля, кроме кресла хозяина и небольшого письменного стола перед ним, был единственный стул для посетителя, скромно стоящий у стены.

– Господин Клупп, – торжественно возгласил робот и легонько подтолкнул Клуппа в спину.

Клупп направился к столу, и только подойдя ближе, обнаружил хозяина кабинета, при- таившегося за монитором.

– Приветствую вас, господин Координатор.

В ответ последовала отмашка бледной расслабленной кистью руки и молчание. Клупп сделал вывод, что ему предложили садиться. Он уселся на стул и принялся ждать. Молчание длилось. Наконец, выдержав паузу, Координатор поднял лицо. Блеклые, утонувшие в воспаленных веках глаза вельможи, перед которым трепетали смертные, уставились на Клуппа, бесцеремонно рассматривая его. Клуппу сделалось не по себе под тяжелым сверлящим взглядом, в котором были отчетливо различимы бесконечная усталость и, как следствие, полное безразличие ко всему на свете. Координатор заметно сдал с их недавней встречи – потускнел, осунулся.

– Я обещал пригласить вас, – заговорил он монотонным скрипучим голосом, – но все как-то не получалось. Было не выбрать паузу в занятиях, достаточно протяженную для спокойного обсуждения наших проблем. Однако жизнь подпирает, как ни уворачивайся, потому я счел недопустимым откладывать далее нашу встречу. Итак, чтобы сэкономить время, сформулирую основные вопросы. Первое. Меня интересуют параметры Системы, существующей сегодня. Второе. Нуждается ли Система в модернизации. Третье. Удовлетворяют ли вас возможности вживленных чипов, и если нет, не следует ли немедленно разработать и запустить в производство новые образцы. Как видите, я краток, прошу столь же кратко ответить на поставленные вопросы. Примите к сведению, времени много нет.

– Приступая к разработке Системы, – заговорил Клупп, – Харт поставил перед коллективом ограниченную задачу, решение которой должно было позволить сначала дистанционно в ручном, а в перспективе в автоматическом режиме определять критерий работоспособности каждого человека. Этот критерий называют также критерием жизни, если это родившийся ребенок или глубокий старик. Была задана последовательность операций в виде цепочки элементарных действий. Руководил процессом человек-оператор, сопряженный с устройством управления, при введении в которое конкретного кода подлинности излучался сигнал, воспринимаемый единственным чипом с тем же кодом. Принятый сигнал инициировал чип, который в ответ на раздражение генерировал сигнал обратной связи, содержащий полную информацию о субъекте. Для осуществления этого процесса были разработаны и запущены в серию микрочипы, способные собирать и накапливать информацию о жизненно важных системах человеческого организма. Их начали широко вживлять сначала в тела только что родившихся исступленных, затем дошла очередь до детей и взрослых, живущих на Острове. Одновременно началось производство и внедрение упрощенных чипов для плебеев. В этих чипах основное внимание уделялось состоянию нервной системы пациента и, в частности, превышению уровня возбудимости. Теперь, чтобы подвести итог сказанному, несколько слов о предполагавшемся развитии Системы. Следующим этапом вводилось автоматическое сканирование всего населения с одновременным анализом полученной информации и принятием анонимных решений, содержащих как рекомендации по лечению, если таковое возможно и целесообразно по отношению к человеку, в котором нуждаются, так и принуждение к самоликвидации. Все эти исследования проводились в соответствии параграфами 16, 17 и 26 Закона. Оставалось доба-

вить важную, технически довольно простую функцию – процедуру утилизации отбракованных субъектов. Причем выполнение этой функции предполагалось поручать самим субъектам. К счастью вживленные чипы исходно содержали избыточный функциональный запас, что позволило осуществить и этот последний шаг без каких-либо доработок. Таким образом, Система достигла нужного совершенства и, как мы говорим, замкнулась по всему функциональному многообразию. Таково ее нынешнее состояние и возможности. Смею утверждать, что Система не нуждается в модернизации, напротив, ее возможности далеко не исчерпаны. В подтверждение нашего успеха и в память об учителе Харте я принял решение публично продемонстрировать еще один последний, на этот раз портативный вариант устройства управления. Когда Харт узнал о том, что мы успешно завершили эту разработку и ознакомился с результатами испытаний, он долго не мог поверить, что такое возможно на самом деле, хотя использованный эффект был им самим теоретически предсказан в его давней работе. Он даже подозревал подтасовку фактов... Правда, позже учитель признался, что так пошутил. Что касается причин гибели учителя, мой вывод выглядит так: во время аудиенции Харт наотрез отказался говорить об аннигиляторе как о завершенном приборе, а его собеседник, кем-то заранее осведомленный о полном успехе испытаний, горячо настаивал. Я точно не знаю, почему учитель не захотел, чтобы прибор попал в чужие руки, мы этот вопрос не обсуждали, но уверенно заявляю: человек, владеющий аннигилятором, приобретает невиданные возможности нападать неожиданно и очень результативно. Уверен, Харт жестоко поплатился именно за свою несговорчивость.

– Об этом позже, – остановил собеседника Координатор, и впервые Клупп различил на лице вельможи тень улыбки. – Как же мне повезло, что я догадался обратиться к вам. Я подозревал, что только вы сможете исчерпывающе ответить на мои вопросы, хотя поначалу собирался выслушать другого специалиста, того же Морта. Остановило меня нежелание расширять круг людей, осведомленных о моем внимании к Системе. Кстати, я не предупредил вас, исправляю это упущение теперь же. Все, о чем мы говорили и будем говорить здесь, является государственной тайной и не должно выйти за пределы моего кабинета. Надеюсь, вы понимаете, какая ответственность ложится на вас, если произойдет утечка – случайная или намеренная?

– Понимаю, господин Координатор, – сказал Клупп. – Я готов отвечать, но... не я один знаю о том, что вы пригласили меня на беседу.

– Разумно. Только никто не знает, о чем конкретно мы говорим, не так ли?

– Наверное.

– Подведем предварительный итог. Новейшее устройство управления, которое вы называете аннигилятором, изготовлено и испытано. Так?

– Да. Этот экземпляр сейчас в моей лаборатории. Назначен день публичной демонстрации для специалистов... То же устройство, прототип в усеченном виде было изготовлено и передано...

– Не нужно произносить имени... – предостерег Координатор. – Мне оно известно. Что означает в усеченном виде?

– Была оставлена единственная функция – безусловный приказ немедленно закрыть за собой дверь. По коду подлинности человека...

– Значит, – перебил Координатор, – именно это устройство было... опробовано?

– Дважды. Первым был учитель Харт, придумавший функцию подавления, но так до конца и не поверивший в возможность ее реализации.

– И напрасно, – нараспев произнес Координатор. – Впрочем, поделом Харту, не следует быть таким вызывающе умным. А второй?

– Смотритель лесов.

– Ну, этот заслужил. А вот Харта мне искренне жаль.

– Он один работал... остальные делали вид. Не хочется думать, что отличная работа повод для наказания...

– И не думайте. Отличная работа не всегда поощряется, но наказывать... Впрочем, оставьте вопросы философии специалистам и продолжайте. Вы упомянули о публичной демонстрации ваших достижений.

– Устройство, о котором мы говорим, существенно отличается от прототипа. Демонстрироваться будет совершенно другой принцип сбора и обработки информации. И другой способ управления объектом.

– Вот здесь, пожалуйста, поподробнее.

– Сначала о некоторых недостатках существующей Системы. Первое. До сих пор не удалось договориться о четких критериях минимальной трудоспособности. Пришлось затронуть сферу деятельности Института здоровья и поставить перед ними определенную задачу. Надеюсь, они справятся... рано или поздно. Второе. Предложенная самоликвидация затруднительна или невозможна, так как двери, следовать к которым предлагается избранным клиентам, не настолько распространены, как хотелось бы. Можно, конечно, расширить сеть приема посетителей, но тогда весьма сложные и дорогие установки большую часть времени будут простаивать вхолостую, потребляя энергию, так как принципиально должны быть готовы немедленно осуществить процесс. С экономической точки зрения это недопустимо.

– Разумно, – сказал Координатор. Было видно, что он теряет терпение. – Теперь, прошу, о новинке.

– По техническому заданию предлагалось разработать такой способ управления, который позволил бы сначала связаться с чипом выбранного человека по коду подлинности, а затем подать команду на подавление подвижности.

– И в результате?.. – не выдержал Координатор.

– Паралич. На некоторое время в зависимости от уровня воздействия и физического состояния объекта. При максимальном уровне – навсегда, что означает смерть.

– Чем же ваше новое устройство принципиально отличается от существующего? Ведь команда на самоликвидацию в прототипе уже присутствует.

– Это так. Но как осуществить такую команду, если речь идет, например, о поле боя? Человек, получив команду, начинает лихорадочно искать дверь?хлопотно, не правда ли?

– Убедительно. – Координатор замолчал, задумался. Но встрепенулся, поднял лицо, уставился на Клуппа. – Вы сказали, господин Клупп, что вариант, о котором вы говорите теперь, реализован. Я вас верно понял?

– Да, это так. Он не только реализован, но и испытан в лаборатории и даже в полевых условиях.

– А это что значит?

– Нам поставили группу плебеев, приговоренных к смерти. Не подлежащих помилованию. Приговор отложили, бедолаг передали нам... в качестве расходного материала. Половина группы была истрачена во время государственных испытаний. Вторая половина будет использована при проведении демонстрации.

– Сколько у вас таких устройств?

– Одно. Приступили к сборке еще двух.

– Немедленно остановите эти работы. Одного устройства будет достаточно. Кто-нибудь, кроме вас, разбирается в этих изделиях?

– Нет. На стадии отладки я работаю один в закрытой части лаборатории, куда даже персоналу нет доступа. Задаю частоты связи, законы их изменения, настраиваю генератор подавления – все, что по-настоящему уникально и совершенно секретно.

– Удивительно. Всегда и везде работает только один, – усмехнулся Координатор половиной лица. – Он же главный объект для наказания. Ничего не поделаешь, так устроен мир,

так устроены люди. Мне недавно объяснили любопытное явление – как работают шарниры, на которых подвешена дверь, вот хотя бы эта. Сколько шарниров ни примени, работать будет только один, то есть всю нагрузку будет нести один единственный. И только когда этот шарнир износится, его функцию будет исполнять следующий.

– Аналогия удивительно точная. Но где же тогда справедливость?

– Сложный вопрос, господин ученый. Но не удивляйтесь, так было всегда. И что интересно, всегда будет. Однако вернемся к нашим баранам. Итак, вы собираетесь продемонстрировать эффективный способ воздействия на военную силу, скажем, на начальствующий состав. Причем по выборке.

– Именно так была сформулирована задача. У меня создается впечатление что, вы читали техническое задание...

– Нет, не читал. А почему вы так подумали?

– Потому что вы почти слово в слово повторили фразу о назначении. Из преамбулы.

– Случайность. Просто я много думал об этом... Последнее время мне не дает покоя серьезная угроза для иступлённых. Причем угроза внутренняя – самая страшная из угроз. Могут понадобиться новые подходы и инструменты. Я не знал, что вы занимаетесь этой проблемой. Интересно будет ознакомиться с вашими работами подробнее.

– Приходите на демонстрацию.

– Обязательно приду.

– У меня есть просьба, – сказал Клупп.

– Слушаю вас. – Координатор насторожился.

– Дело в том, что нам удалось изготовить новую модель биоробота. Уже не робот, но еще не человек. Экземпляр довольно любопытный. Я хочу представить его вам. Можно?

– Он что же, здесь с вами? Зовите.

Клупп поднялся, подошел к двери в приемную, приотворил створку, позвал:

– Никанор, поди сюда.

Из приемной донесся шум, следом грохот падения, крик:

– Как же ты мне надоел, тупица!

В кабинет ворвался разъяренный молодой человек. Его ярко рыжие волосы горели, стеклянные глаза посверкивали

– Удивительно, – выкрикнул он, обращаясь к Координатору. – До чего же тупой, этот ваш привратник. Наверное, от слова врать, но точно пока не знаю. Меня очень плохо учат, особенно грамматике.

– И еще хуже воспитывают, – задыхаясь от лающего смеха, выговорил Координатор.

– Согласен. Не воспитывают, а должны бы, коль скоро произвели на свет. Представляете, этот тип утверждает, что я такой же, как он, примитивный робот. Я опять что-то не то отчебучил? – обратился он к Клуппу. – Скажи, дядя, не молчи. Чего молчишь? Не вижу второго стула. Принести из приемной или лучше стоять? Хотя мне без разницы, что стоять, что лежать. Но, следует отметить, негостеприимный у нас хозяин, дядя. Сразу видно, человек великий. Или робот? С ним нужно держать ухо востро? Не судите строго, господин, я дурак, – обратился он к Координатору. – Так меня называет дядя, когда гневается. Но он редко гневается. В наказание он не дает мне читать книжки. А почему? Потому что я запоминаю текст, а потом полдня цитирую. Мешаю ему думать. Так мы пойдем? Я остро чувствую момент, когда нужно смываться...

– Можешь выйти из кабинета, но не дальше приемной, – сказал Координатор, – а мы с твоим хозяином обсудим, к какой службе тебя приставить. – Никанор немедленно исчез. – Поясните, – обратился Координатор к Клуппу, – чем Никанор отличается от обычных роботов?

– Мы решили выполнить эту работу, когда в лаборатории радиоразведки получили устройство с необычными свойствами. Вообразите помещение, заполненное людьми. Люди

говорят друг с другом. Наше устройство в течение определенного интервала времени воспринимает все звуки, даже очень слабые, в радиусе пятидесяти метров, фиксирует их, сжимает в короткий пакет и в определенный момент передает по радиоканалу в эфир. Причем частота, на которой передается сигнал, выбирается в довольно широком диапазоне по закону случайного распределения. Для приема таких сигналов пришлось изготовить специальный приемник, способный воспринимать этот сигнал независимо от того, на какой частоте он излучается. Но главное, мы смогли построить дешифратор, анализирующий принятый сигнал. На выходе дешифратора формируются файлы, содержащие обсуждение определенных тем. Файлы фиксируются по отдельности и в дальнейшем могут быть оформлены в виде документов. При этом приоритет отдается тем обсуждениям, в которых содержатся заданные ключевые смыслы. Например, сегодня вас интересуют разговоры о погоде или о подготовке экспедиции на Терцию. Вы задаете темы интересующих вас разговоров и этим определяете текст, который будет выведен первым, если, конечно, в действительности такая тема была затронута. Скрытность канала совершенно непреодолима. Обычный узкополосный приемник, конечно, примет этот сигнал, если оператор или автомат сможет мгновенно перестроиться на несущую частоту, что весьма затруднительно, но проанализировать его, расщепить, так сказать, на искомые составляющие не сможет. Принятое сообщение будет выглядеть как периодические импульсы шума. Ничего полезного извлечь из них не удастся. Только наш приемник способен решить эту задачу.

– Очень интересно, – сказал Координатор. – Вы продолжаете удивлять меня, Клупп. Как же вы собираетесь поступить с Никанором?

– На этот счет у меня пока никаких мыслей. Будем совершенствовать дальше. Вдруг пригодится.

– Вот что, дорогой господин Клупп, – сказал Координатор, усмехнувшись. – Предлагаю сдать это чудо в аренду. Мне.

– Я с удовольствием подарю его вам, господин Координатор.

– А приемник?

– Разумеется, вместе с приемником.

– Договорились, – сказал Координатор. – А теперь, простите, дела, дела...

10

Цель командировки была определена четко и коротко: ознакомиться с условиями существования рабочих плебеев и, главное, выяснить, чем объясняется неуклонное в последние весны уменьшение численности подрастающей смены. И сразу же, как только новая задача овладела сознанием, память отпустила – Тея ступевалась и отошла – забылась.

Он легко преодолел формальности, принял в память коммуникатора деньги на расходы, представительские документы были уже отправлены в ведомство губернатора Континента, где его ждали.

«Ничего не поделаешь, – думал он опустошенно, – нужно все принимать как должное, терпеть. Но почему так неловко начинается моя жизнь? Мне всего двадцать весен, я молод, полон сил, позади долгий изнурительный труд, бесконечные лекции, лабораторные занятия. В результате успех – я лучший выпускник года, у меня высокий коэффициент интеллекта и полное право на выбор любого из вариантов предстоящей жизни. Я не смею терять ни минуты, ведь каждая потерянная минута, это утраченный шанс на успех, а, оказывается, я всегда, всем своим существом жаждал успеха – самозабвенно, яростно. И искренне удивлялся, когда не добивался своего, и, конечно же, не мог представить себе, что однажды придет время и удача отвернется, когда совершенно не ждешь, и я окажусь вторым или даже третьим в ряду равных, и всем станет ясно, что я, безусловный претендент на высокое положение в предстоящей жизни, на самом деле мальчишка и так же, как остальные коллеги, глубоко переживаю и даже страдаю из-за такой-то мелочи. Как же получилось, что я трусливо бегу прочь, подальше от этого города, от своего прошлого, от жалкой изнуренной девушки, бережно сохранившей в памяти событие, наверное, главное в ее жизни. Почему в моей изошренной памяти, вместившей огромный объем самой разнообразной информации, не нашлось места, чтобы хотя бы намеком удержать давние события. Ничего из того времени не уцелело – память моя пуста, и от этого мне почему-то грустно».

Впереди новая жизнь, так не похожая на прежнюю, и в этой новой жизни нет места Тею – в этом он был уверен. И еще, он знал, что вернется из командировки другим человеком.

Он собрался быстро – поездка предполагалась всего на четырнадцать дней. Пара рубашек, запасной комбинезон, мелочи нижней одежды, коммуникатор с усиленным аккумулятором, заряженным под завязку, пачка визиток на случай, если придется бывать в официальной обстановке, сухие напутствия университетского куратора, которого Адам счел нужным навестить и попрощаться, – вот и все обязанности молодого выпускника, не имевшего прочных связей с остальными людьми, не отягощенного никакой собственностью.

Был у Адама родной человек, с которым ему время от времени удавалось общаться, – дед Гор.

Он, конечно, знал, что дед это отец его отца. Но тогда почему из цепочки родственных связей выпало обязательное звено – отец? Когда он был мал и впервые задал вопрос об отце, предположив, что отец обязательно должен быть у каждого человека, дед помолчав, стал спрашивать, откуда он узнал об отце, и не получив вразумительного ответа, мягко попросил потерпеть, строго объяснив следом, что время говорить об отце еще не наступило. Если бы дед сказал, что отец умер, вопрос о нем немедленно отпал бы как неуместный, но дед ничего такого не говорил, из чего Адам заключил, что его отец жив. Существование деда нарушало равновесие в рассуждениях, придавало им неопределенность. Потому он давно не задает этот вопрос – за ним отчетливо ощущается пустота. Иногда он склонялся к мысли, что отца у него не было вовсе. Но это против природы, о которой Адам все же имел некоторые представления. Рядом с ним жили сверстники, у которых отцов тоже не было, но также не было дедов.

Разумеется, в биологическом смысле отцы были у всех, но определить их, назвать по имени, не мог никто. Все они были детьми-анонимами. Таков обычай исступлённых, объясняли им взрослые, и, главное, таково требование Закона.

Дед жил уединенно в горном районе Острова, куда проще всего было добраться на давно отжившей свой век открытой колесной тележке, какой не встретишь в городе, – на городские улицы их не допускали. Неказистые внешне, они были незаменимы для недалёких перемещений по старинным дорогам глухой провинции, и хотя давно не производились, отдельные экземпляры на всякий случай сохраняли в гараже университета и поддерживали в рабочем состоянии.

Получив разрешение на поездку, он отправился в гараж и велел приготовить индивидуальный транспорт. Дежурный робот проверил и снарядил для недалёкой дороги приземистый четырехколесный экипаж и выкатил его из ангара. Адам уселся на место водителя, утонув в податливом кресле, немедленно обнявшем его тело. Включил двигатель, на малых оборотах сделал пробный круг по центральной площади университетского городка. Мотор работал бесшумно, уверенно тянул. Кивком головы он поблагодарил робота-механика за отличную работу, тот в ответ молча приподнял широкополую шляпу – Адам уже знал, что гаражных роботов лишили голосовых синтезаторов с тех пор, как кто-то из больших начальников обвинил их в излишней болтливости в рабочее время.

Дед был единственным человеком, к которому Адам питал родственные чувства – так называл эти чувства дед. Однако официально именно этих чувств следовало стыдиться – они презрительно отвергались его окружением. Он не искал объяснений странным обычаям, главным в которых было подчеркнутое безразличие, понимая, что объяснения находятся в столь далеком запретном прошлом, куда даже мысленно отправляться не следует, тем более, не стоит обсуждать эти вопросы с другими.

Он послушно принимал то, что ему предлагалось в качестве образца общепринятого поведения. Однако такое поведение вызывало в нем скрытый протест и, конечно же, не распространялось на его отношения с дедом. С дедом они были по-настоящему дружны.

Включив коммуникатор, Адам назначил координаты цели поездки и перевел управление с ручного на автопилот. Тележка неспешно вынесла его за пределы города, а по старой разбитой дороге, проложенной по горному склону, рванула, строго придерживаясь осевой линии и автоматически выбирая оптимальную скорость.

Спустя час движения, напоминающего полет, слева, на восходящем склоне зеленой горы проявилась светлая крыша поместья деда с возвышающимся над нею размашистым ветряком-трудягой. Дорога совершила последний крутой поворот налево, распрямилась и поднесла Адама к крыльцу дедова дома.

На пороге стоял дед Гор, щурил глаза от солнца, бьющего в лицо, и широко улыбался.

– Не ждал, не ждал, – заговорил он. Подошел, обнял Адама, прижался к нему. – Как же ты вовремя приехал, милый, если бы ты только знал. Пойдем в дом.

Адам любил уединенное жилище деда, расположенное в предгорьях, где даже в летний зной, было прохладно, где тишину нарушал только шелест древесных листьев, тревожимых налетающим ветерком.

Жилая часть дома состояла из двух скудно обставленных комнат и общей гостиной, расположенных в первом этаже. Небольшая комната со скошенным потолком, в которую вела узкая винтовая лестница, помещалась в мансарде и особенно нравилась Адаму. Крыша из гладкого серебристого металла накрывала дом двумя наклонными крыльями, и из-за больших выпусков была намного шире собственно дома. Потому на внешний взгляд сооружение казалось значительным по размерам. Над крышей в верхней ее части высилась мачта ветряной

электростанции – допотопное сооружение, которое почему-то деду нравилось, и отказываться от которого он никак не соглашался. Окна дома от пола до потолка были из цельных стекол и не представляли преград для света. Человек, находящийся в доме, чувствовал себя одновременно как бы вне его, так неразрывно были связаны внутреннее пространство жилища и окружающая природа. В доме не было ничего лишнего, только те предметы, без которых невозможно представить загородное жильё.

Вокруг дома ожерельем выстроилась рощица пышных малорослых деревьев – яблонь, слив, абрикосов. Их ветви, отягощенные созревающими плодами, клонились к земле и оставались целыми лишь потому, что были искусно подкреплены множеством аккуратных подпорок. Между стволами деревьев зеленела трава. Такой буйной яркой зелени Адам не встречал нигде в городе. Там по непонятному требованию Закона траву старательно истребляли и этому странному обычаю обязаны были следовать все жители Острова. Здесь же трава росла вопреки принятым правилам, как хотела, ее никто не преследовал и даже не косил, что было неявным вызовом деда по отношению к властям.

И еще, у деда были книги, множество книг на открытых стеллажах, покрывавших стены гостиной. В книгах были сосредоточены знания о цивилизациях, существовавших на планете в незапамятные времена. Правда, книги были на столь древних, давно забытых языках, что читать их мог только дед, да еще несколько стариков – университетских профессоров. К тому же по Закону сведения, заключенные в томиках и томах, считались крамольными и для обывателей были малодоступны.

В прежние времена, когда Адам был мал, друзья деда регулярно собирались в поместье и предавались любимому времяпрепровождению: говорили и говорили на древних наречиях, звучавших чудно, загадочно. Адам не раз бывал свидетелем этих бесед. Едва он успевал привыкнуть к одному языку, обнаруживая корешки знакомых слов и начиная улавливать первый смысл, как они переходили на другой язык, в котором знакомые слова встречались реже, и напоследок звучал язык, в гортанных звуках которого не было ни одного знакомого слова, но была музыка, говорящая больше слов.

Адам испытывал счастье, наблюдая кружок убежденных редующими сединами стариков, которым по всеобщему убеждению давно было пора на покой. Но так думали молодые иступленные, еще не испытавшие угроз возраста, так не думал дед, самый старший из них, единственный, кто был способен защитить своих немногочисленных друзей. Когда-то он выторговал у Владетеля неслыханную привилегию – расставаться с друзьями разрешалось ему одному, никто не смел нарушить тихое таинство их общения, а тем более понудить стариков помимо их воли закрыть за собой дверь...

Старики, помнил Адам, жили надеждой на возрождение в университете кафедры мертвых языков. Мечтали набрать студентов, основательно выучить их. Однако сенаторы во главе с Владетелем при каждом обсуждении проекта решительно выступали против. Свое несогласие они объясняли просто и довольно логично. Во-первых, тем, что от туманной затеи не ожидается никакой практической пользы, что делает ее по меньшей мере сомнительной. Во-вторых, прибавится хлопот службам надзора, ведь крамольные мысли, содержащиеся в книгах, постепенно станут достоянием растущего числа носителей, а этого допустить нельзя ни в коем случае. И, в-третьих, уж если народ примет крамольные мысли, как свои, обязательно жди беды. Итогом таких обсуждений было общее положение, возведенное в Закон, о самом жестком запрете любых попыток вывести ум иступленных из состояния тихой спячки.

Менее же заметным для народа итогом последнего обсуждения проекта стариков стал полный запрет на общение, к которому они привыкли. Гору было предписано оставаться безвыездно в уединении, его друзьям категорически запрещалось навещать его, а Антону – выходить за границы университетской территории.

Разделенные старцы за несколько весен догорели один за другим. В живых остался последний – дед Гор.

– Мои преданные друзья, – говорил дед, оглаживая корешки бесценных переплетов. – Я мечтал, что они переживут меня, и будут жить, когда я уйду... Скоро конец, Адам. Иногда представляю, что книги погибнут, и меня охватывает ужас. Неужели они обречены? Мне случайно стало известно, что их исключили из перечня ценностей, подлежащих упаковке. Видно, власти решили полностью оторваться от родины, от предков. Вытравить память, как нечто ненужное, противное природе. А ведь нет, мальчик, ничего страшнее, чем утрата памяти. Это говорю тебе я, человек, принимавший самое активное участие в избавлении от памяти, наивно доказывавший выгоду, которую можно получить, если жить одним днем и ничего не знать о том, что было до тебя. Стыдно, что я приложил руку к этой бредовой затее. Теперь каюсь, но уже ничего не исправишь... Идеология государства дело важное, долгоживущее, особенно если ее удалось умело внедрить в сознание народа.

– Мы что же, действительно должны покинуть Землю?

– Вынуждены, так будет точнее. Решение было принято давно, сразу же после того, как Владетелем был избран... нынешний наш владыка – за тридцать весен до твоего рождения. Миновало три сотни весен с тех пор, как открыли Терцию. Первую экспедицию посещения постигла неудача – сбой в системе навигации. На обратном пути они сбились с курса – не смогли удержаться на траектории возврата, а вскоре закончилось горючее. Однако информация была получена, из нее стало понятно, что Терция похожа на Землю, но почти без атмосферы и с ничтожным количеством воды. Последующие посещения, всего их было три, удались. Уже семьдесят весен Терцию обживают, формируют атмосферу. Трудности колоссальные. Насколько мне известно, атмосфера еще не накоплена, всего около двадцати процентов земной, но уже прижились и размножаются растения высокогорий, завезенные с Земли. Для их жизни пригоден низкий уровень кислорода. Первые сотни вёсен предстоит жить в скафандрах. Иного выхода нет. Суша Земли продолжает тонуть, ресурсы исчерпаны, ископаемые выбраны. Главное, истреблена растительность, леса уцелели только в резервациях Континента, но и к ним уже подбираются и скоро сведут окончательно. Впереди тупик, если сидеть и ждать. По расчетам экономиков близок момент, когда промедление только усложнит ситуацию. Если переселение отсрочить сейчас, едва ли удастся подготовить его в обозримом будущем. Через два-три десятка весен о переселении придется забыть. Мне нужно найти того, кому я смогу передать мои сокровища. Сколько я еще протяну?

– Кому же ты доверишь свое богатство? – спросил Адам.

Дед не ответил. Сидел, съжившись в старом своем кресле, в котором Адам так любил засыпать после обеда, когда был маленьким и целиком помещался в неизменно теплое его нутро.

– С этим справится только... плебей, – нарушил молчание дед.

– Кто же позволит плебею?

– Позволят. Найти бы подходящего... Мы отняли у них возможность учиться. В резервациях давно нет настоящих школ. Формально школы есть, но учатся в них только два года и изучают единственный предмет – Закон. Точнее перечень наказаний, которым подвергают плебея, нарушившего Закон.

– Ты никогда не говорил мне об этом... – сказал Адам.

– Я боялся за тебя.

– Расскажи, дед. Я постараюсь понять.

– Ты вырос у меня на глазах, Адам. Я всегда относился к тебе как к самому близкому родному человеку. Я мечтал, чтобы ты, как все наши люди, став мужчиной, завел женщину на одну или две весны. Чтобы исполнил свой долг и чтобы после тебя появилась новая жизнь...

Но теперь, на старости лет, я стал понимать, так поздно... разве можно связать свою жизнь с одной из этих... синеватых курочек? – Дед возвысил голос, он почти кричал. – Да, я утверждаю, они синеватые... и удивительно пошлые. – Он помолчал и заговорил вновь, но теперь едва слышно: – Терпеть не могу пошлых, синеватых девиц... Девица должна быть жизнерадостной и открытой. Она должна охотно идти навстречу, должна быть насыщена жизненной силой, в ней должно быть будущее... – договорил он, не спуская внимательных глаз с Адама. – Ты должен знать, внук, только плебейка тебе ровня. Запомни это, мальчик.

– Не слишком ли, дед?

– Нисколько.

– Такие разговоры, мне кажется, не следует вести...

– Плевать! – Гор продолжал строго смотреть на Адама, в его глазах не осталось смеха, его глаза были цвета стали. – А ты, оказывается, тоже отравлен, внук. Я не заметил. Теперь поздно...

– Я никогда не встречал плебеев, – оправдался Адам. – Как я могу судить о них? Тем более, об их девушках...

– Ну да, ведь плебеев не пускают на Остров. Тайком завозят женщин, родивших ребенка. Используют как доноров крови. Органы для пересадки... выращивают в живых здоровых людях. Дальняя лаборатория работает на крови и органах несчастных.

– Меня посылают в командировку на Континент. Я там во всем разберусь. Обещаю, дед.

– Может быть, разберешься... если позволят. Мы виноваты перед ними. Когда-то, очень давно плебеи были угрозой для иступленных. Никто не знал, что с ними делать. Нашлись деятели, предлагавшие радикальный выход, – уничтожить. К счастью оголтелым кретинам не удалось добиться большинства в Сенате. С тех пор решение судьбы плебеев откладывают каждую полную сотню весен. Пока договорились оставить все как есть и больше к этому вопросу не возвращаться. Их обрекли на изнурительный труд, на скудную пищу, едва способную восстанавливать затраченные силы. Нашлись, смельчаки, предлагавшие отпустить их с миром, пусть живут, как смогут. Но такой вариант показался чреватым большими проблемами в будущем. Понимали, что исходно плебеи совершенно здоровы, и если их поставить в одни условия с иступленными, они скоро возьмут верх. Тогда же возникла идея тотального контроля. Придумали сережки – биологические контроллеры, способные существовать в симбиозе с живым организмом. Их имплантируют в ушные мочки в совершеннолетие и плебей немедленно на всю короткую жизнь попадает под надзор. Контролируют все: перемещение в пространстве каждого взрослого плебея, физиологические отправления организма, интенсивность мыслительной работы... Людей превратили в биологических роботов. Автоматически фиксируется, например, возбужденное состояние – верный признак назревающего бунта. Управляют плебеями сами плебеи, выделившиеся из их общей среды и получившие неслыханные привилегии. Им разрешают жениться, вести вне службы самостоятельный, домашний образ жизни. Пока не разрешают иметь детей в традиционном понимании, то есть заводить, пожалуйста, заводите, но воспитывать – ни в коем случае. Многие живут в собственных жилищах с постоянными женами, причем поощряется многоженство. Однако забеременевших женщин и у них, как правило, отбирают. Те рожают в инкубаторе и исчезают – навсегда. Лучшие попадают в Дальнюю лабораторию. – Дед замолчал. Он сидел, понурившись, закрыв глаза. Но встрепенулся и продолжал: – И все же плебеи, как я говорил, имеют серьезные преимущества по сравнению с иступленными – они совершенно здоровы, у них нормальная кровь, они сильны физически. Сегодня они воспроизводятся в ограниченном количестве, ровно таком, какое нужно промышленности, причем для подавляющего большинства размножение происходит самым невероятным образом. Применительно к животным это называется спариванием, случкой, осеменением. Для них – свадьбой. Берутся девушки шестнадцати лет и парни из рабочих – женихи и невесты. Девушек не спрашивает, согласны ли они вступить в брак с назначен-

ным партнером. Они беременеют, их заключают в инкубатор до родов, там рождаются дети, здоровых оставляют жить... И только славы, которых также причисляют к плебеям, сохраняют традиции нормальной семейной жизни – один муж, одна жена и при них дети. Но и у славов через одного отбирают подростков: девушек на свадьбу, юношей в шахты. Ты, верно, заметил, что ни я, ни ты не страдаем от болезни крови?

– Заметил. А почему, не знаю.

– Открою тайну: мы с тобой вопреки Закону рождены... плебейками. Из племени славов. Они дали нам жизнь и вместе с ней здоровую кровь. Выносили нас в собственном чреве, не в пробирке и кювете, родили в муках, оставили жить на земле. А сами ушли, закрыв за собой дверь...

– Получается, что у меня была настоящая мать? Ты мне никогда не говорил, дед. Никто не говорил... Теперь я понимаю, почему на меня смотрят, как на чужака, даже сторонятся... И еще эта странная Тея. Утверждает, будто нас обручили в детстве. А я ничего не помню. Оказалось, она дочь самого Координатора...

– Ты прости меня, мальчик, я так виноват перед тобой. Я был вынужден согласиться и упросил тебя, а если быть честным, вынудил пойти на этот шаг. Он настаивал – с ножом к горлу. Дело в том, что ему известна некая тайна, бросающая тень на дорогого мне человека. Я не выдержал давления. Теперь дочь Координатора выросла и предъявляет свои права... Тебя заставят согласиться...

– Ни за что. Эту задачу, дед, я уже решил – окончательно и возвращаться к ней не намерен, несмотря на угрозы. Я не поддамся. А Тея? Немного погорюет, найдет себе подходящую пару, успокоится. Я заметил, что некоторые мои сверстники внимательно поглядывают на нее... Рассчитывают, что Тея обеспечит им, по крайней мере, надежную карьеру. Так что о Тее, дед, больше не говорим, считаем, что ее нет и никогда не было. На самом деле у меня совершенно другая проблема. Я хочу, чтобы ты, наконец, ответил на единственный вопрос, который меня по-настоящему интересует: кто мой отец? Но ты молчишь. Что остается мне? Разобраться самостоятельно в проблеме? Надеюсь, у меня есть право знать?..

– Разумеется, есть, – сказал Гор, помолчав. – Но, прошу тебя, не спеши. Придет время, ты все узнаешь. Оно придет довольно скоро, не торопи его. Все тайное рано или поздно становится явным. Потерпи. Пока же я не имею права говорить. Я обещал, а обещания нужно выполнять... Так-то, мой мальчик... И еще: я уверен, незнание в твоих интересах. Ничего не поделаешь, к сожалению...

До позднего вечера Адам оставался в доме деда. Они провели время в спокойной беседе, но больше, сговорившись, не возвращались к странному утреннему разговору.

– Напоследок я вот что скажу тебе, внук, – сказал дед, прощаясь. – Найди свою любовь на Континенте. Ты еще не знаешь, что такое любовь. Ты рискуешь никогда не узнать и это печально... Я верю в тебя, Адам, и люблю...

11

Опасность, как всегда, первой обнаружила Кони, старшая жена губернатора Континента Верта, бесконечно благодарная ему за все, что он для нее сделал.

Во-первых, перечисляла она мысленно, как ежеутреннюю молитву, за то, что он выбрал ее на весенней свадьбе, где созревших девчонок распределяли между работягами. Уже была решена ее участь, даже успели назвать имя напарника на предстоящую ночь, когда заявился он на смотрины и в последний момент своей властью переиграл решение, уже объявленное жюри. И, пропустив мимо ушей отчаянные вопли назначенного партнера, увел с собой. Так она избежала пропахшей потом подстилки долговязого лысого плебея в драной спецовке. Она последовала за Вертом охотно, да так и осталась при нем на долгую жизнь.

Во-вторых, он не отнял у нее сына, которого она вопреки Закону родила дома, а не в инкубаторе, где было предписано рожать женщинам Континента. Мальчику посчастливилось прожить при отце и матери первые восемь весен жизни и только тогда его затребовали в инкубатор. Позже он выучился на горного мастера. Теперь живет обеспеченной сытой жизнью в далеком поселке шахтеров. Он даже сделал попытку отпустить мать на свое иждивение, но Верт воспротивился, не позволил, и она покорно осталась при нем.

В-третьих, он не избавился от нее, когда взял в дом вторую жену, и у нее родилась девочка, которую сразу же после рождения пришлось поместить в инкубатор.

И вторую жену Верт удержал в доме, женившись в третий и четвертый раз. И опять рождались дети. Их сразу же отправляли в инкубатор, а юные жены оставались под его кровом и защитой.

Именно за эту странность Кони любила и почитала Верта, хотя он давно не останавливался на ней свой взгляд – попросту не замечал. Она же внимательно наблюдала за всем, происходящим вокруг, обо всем имела независимое суждение, и, будучи человеком скромным, добровольно смирившимся с отведенным ей местом, никогда ни во что не вмешивалась, старательно избегая любого общения.

Особенно чутко она отмечала малейшие перемены в настроении мужа – ей и в голову не могла прийти мысль назвать его бывшим мужем. Она была буквально настроена на анализ его энергетики. Иногда ей казалось даже, что ей удастся с легкостью проникать в самые потаенные мысли Верта.

Последнее время они общались редко – от случая к случаю. Она жила обособленно в дальней комнате дома. Но однажды, не выдержав, набралась смелости, явилась к Верту без вызова и выложила ему все свои опасения. По его благодарному отклику она поняла, что поступила правильно. Он и сам извелся от предчувствия опасности, сознавая, что копится нечто серьезное, что может изменить и даже разрушить их устоявшуюся счастливую жизнь. Он верил в предчувствия вообще, а в предчувствия первой своей жены верил особенно. И сумма предчувствий близкой беды порождала тихую панику.

Его высокое положение действительно пошатнулось после того, как дела на Континенте, которым он управлял в течение непостижимой бездны времени, заметно пошли на спад. Начались небывалые неприятности – перебои с поставками стратегического сырья для фабрик Острова, чего никогда не случалось прежде. Снизился выход новых рабочих из инкубаторов, что было одной из главных его забот. Выросло число неучтенных плебеев, что также настораживало.

Уверенность в близком крушении овладела Вертом после его обстоятельного и на невнимательный взгляд безобидного разговора с Координатором, которого он во внутренних своих рассуждениях уважительно именовал хозяином. Хозяин со свойственным ему чувством меры прямо никаких претензий не высказывал, что обычно позволял себе, а всего-навсего сообщил

обиняками, между слов, что на Верта больше не рассчитывает. На его место давно следует подобрать расторопного и непременно преданного молодого человека, способного в кратчайшие сроки поправить дела в провинции. И добавил невзначай, что именно такой молодой человек уже имеется на примете. И вообще, Верт давно устарел во всех отношениях и с этим неприятным, но естественным фактом необходимо считаться. И уж во всяком случае, сверх всякой меры засиделся он на своем очень теплом месте, пора бы и честь знать. Все это было сказано настолько непринужденно, в виде безобидной шутки, что не распознать истинных намерений хозяина мог разве что полный олух.

Координатор Верт олухом не был, он был послушным и довольно удачливым исполнителем воли своего далекого благодетеля, которому был предан безмерно и безусловно.

Когда же поздним вечером Координатор повторно вышел на связь, воспользовавшись секретной стратегической линией, которая в течение трех весен, прошедших с последнего серьезного конфликта, не использовалась ни разу, предчувствие беды обратилось в уверенность ее скорого явления. Верт был убит, уничтожен. Никогда прежде хозяин не вызывал его так поздно, не беспокоил сразу же после того, как они подробно обсудили свои дела. Значит, припекло, решил он, если срочно понадобился старина Верт. Дело наверняка деликатное, предположил он, и, как обычно, не терпит ни малейшей отсрочки.

– Слушай меня внимательно, Верт, – заговорил хозяин, опустив обычное приветствие, и с первыми звуками его голоса, преодолевшего огромное расстояние и налившегося по пути страшной силой, у Верта подкосились ноги и он, опускаясь в кресло, едва не промахнулся и не сел мимо. – Я приготовил для тебя весьма деликатное поручение. Очень важное и, предупреждаю, совершенно секретное. Если быть кратким, дело состоит в следующем. В настоящий момент к тебе летит некий юный субъект по имени Адам, выпускник университета. Официально он командирован для ревизии мероприятий, относящихся к восстановлению численности рабочих плебеев. Цель, как ты понимаешь, вполне невинная. Но не верь глазам своим, как говорится, на самом деле его задачей является общая проверка дел. Он не станет вдаваться в подробности, изучать документы. В документах, как ты понимаешь, полный ажур, к тому же с ними можно ознакомиться на Острове. Этот субъект из молодых да ранних и методы у него довольно странные. Согласись, порой нам трудно понять, чего хотят эти зеленые выскочки. Так вот, мне стало известно, что он намерен изучить дела на Континенте, так сказать, изнутри, то есть собрать информацию непосредственно, через общение с народом. Такой подход чреват самыми серьезными неприятностями для руководства провинции и, как ты понимаешь, для тебя лично. Никто не знает, что всплывет на поверхность. Надеюсь, ты понимаешь меня?

– Понимаю, господин Координатор. Что я должен сделать?

– Знаешь, Верт, мне нравится в тебе одно похвальное качество, так редко встречающееся сегодня, – немедленная готовность действовать. Ты рвешься исполнять задание, даже толком не ознакомившись с ним. Такой подход мне по душе. Вот тебе задание. – Хозяин понизил голос и продолжал после многозначительной паузы: – Буду краток. Я крайне заинтересован в том, а ты не в меньшей степени, хотя, возможно, еще не до конца понимаешь, но это скоро пройдет, чтобы этот человек, этот Адам, этот шустрик навсегда, я подчеркиваю, навсегда задержался в ваших благословенных краях. – Эти слова, неподдельное напряжение, с которым они были произнесены, заставили Верта подобраться и задержать дыхание. – И чтобы никогда, надеюсь, ты хорошо понимаешь меня, никогда больше я не слышал этого имени. – Вновь наступила пауза. Верт почувствовал облегчение: вызревало нечто, что определенно было ему по силам. – Если же ты меня подведешь, Верт, – продолжал хозяин в своей напористой манере, – тогда... Тогда я тебе не завидую. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, господин Координатор. Расшибусь в лепешку, но сделаю все, что вы мне поручаете.

– В лепешку, говоришь? А вот это как раз ни к чему. – Голос хозяина помягчал, теперь это был сообщник, едва ли не друг. – В лепешку следует тех, кого мы с тобой... приговорили... С нетерпением жду доклада о мероприятиях по...

Связь оборвалась. Верт откинулся на спинку кресла, слишком высокую и неудобную для него. «На этот раз, кажется, пронесло, – думал он. – На какое-то время катастрофа откладывается, господа».

Он связался с портом, узнал, когда приземлится грузовик. Оказалось, что носитель уже на экранах индикаторов посадки. Времени оставалось в обрез. Он вызвал машину, натянул форменную куртку, спустился вниз.

Машина стояла у подъезда – приземистый камуфлированный экипаж, в котором он любил носиться по городу для устрашения обывателей. За рулем сидел его личный шофер Теля.

Верт уселся рядом с водителем, коротко бросил: – «Вперед!» Теля сорвал машину с места.

Они летели по спящему городу в направлении офиса губернатора и остановились перед его ярко освещенным подъездом.

– Отправляйся в порт, – сказал Верт, выбираясь из машины. – Возьмешь пассажира с Острова. Имя гостя Адам. Доставишь в гостиницу. Я распоряжусь. Все понял?

– Понял, – сказал Теля.

– Действуй!

Поднявшись в свой кабинет, Верт связался с Кентом, начальником полиции безопасности, и приказал немедленно выслать в порт дежурную группу, а когда тот поинтересовался, с каким заданием, неожиданно вспылил:

– Слушай меня, Кент, очень внимательно. У меня небольшая проблема. Короче. В последнее время мой личный водитель Теля вконец отбился от рук. Представь себе, регулярно по вечерам без моего ведома отправляется в порт, у него там какие-то делишки, не исключаю, подружка из персонала. Но это бы еще ничего. Меня беспокоит, что этот придурок своим разнузданным поведением нарушает порядок – оставляет машину в неподобающем месте и надолго исчезает. Словом, ведет себя как большой начальник. Люди знают мою машину, докладывают. Я выговариваю Теле, а с него, представь, как с гуся вода, – не доходит, когда обращаются по-хорошему. Пора разобраться по-плохому. Я хочу поручить это дело твоим архаровцам. Справятся?

– Обижаете, – сказал Кент весело.

– Ну, вот и ладушки. Пусть отправляются. Об исполнении доложишь. Накажите его как следует, не жалейте. Чтобы надолго запомнил.

– Будет сделано, – пообещал Кент. – С превеликим усердием.

Связь оборвалась – Кент, как всегда, говорил мало, больше действовал.

«И всего-то дел, – думал Верт. – Можно жить дальше. Хорошо бы теперь жениться». От этой мысли потеплело внутри. Он вспомнил, какую изумительную девчонку присмотрел во время последней поездки в колонию славов. Очень уж хороша, просто невероятная девочка вызрела на просторах Континента. Имя загадочное округлое, как она сама, – Ева. Странное имя. Произносишь его и невольно улыбка смягчит губы. Какая девушка. И ведь, несчастная, обречена на свадьбу. Достанется какому-нибудь вонючему козлу... Невыносимо».

Он сел в дежурную машину, направился, было, к дому, но передумал, развернулся и рванул по шоссе, ведущему в порт.

«Кент достойный человек, – рассуждал Верт, – исполнительный верный, но работать по приезду будет не он – его люди. А уж что придет в голову этим безмозглым прохвостам неведомо. Уж лучше подстраховаться».

12

Стратосферный носитель оказался обычным грузовиком, курсирующим раз в неделю между Островом и Континентом. В главном порту Острова Адаму объяснили, что регулярные пассажирские полеты на этом маршруте давно не выполняются, летают одни грузовики, но беспокоиться не стоит – в носителе оборудован вполне комфортный отсек, в котором господин будет единственным пассажиром.

Грузовики перевозили на Континент крупногабаритное оборудование для ремонта шахтных механизмов, продовольствие для плеебеев, роботов на смену, комплекты для их ремонта. Обратными рейсами забирали сырье для обогатительных фабрик Острова, из которого в числе прочих продуктов получали концентрированное топливо для кораблей, и, в первую очередь, для готовящейся экспедиции на Терцию. Важным грузом, о котором остерегались говорить вслух, были юные женщины для Дальней лаборатории, родившие детей и оставившие их в инкубаторе.

В небольшой покойной пассажирской каюте, где Адаму предстояло в одиночестве коротать полтора часа полета, было жарко и душно. Расслабляющая сонливость все более овладевала им, сознание туманилось, он сдерживался из последних сил, чтобы не заснуть, – в дыхательной смеси явно ощущался недостаток кислорода. Какое-то время он терпел, но все же был вынужден обратиться к роботу, заглянувшему в каюту, – попросил увеличить концентрацию кислорода.

Робот в щегольском мундире из блестящего пластика невежливо отмахнулся и проворчал:

– Атмосфера в норме, температура в норме... Для нас достаточно...

– А для нас – нет! – крикнул Адам.

– Наблюдаю только одного пассажира, – сказал робот неуверенно. – Единственное число... Господин напрасно волнуется, он должен понимать, что лишнего кислорода в запасе не имеем, все у нас строго по регламенту... Нам лететь и лететь, а потом приземляться. Когда еще дозаправят...

– Ты, кажется, договоришься у меня. Захотелось на запчасти? – Адам припомнил сцену в столовой, и то, как эта угроза подействовала на бедную Ольгу.

– Если ваша милость обладает полномочиями, Вава не будет против. На запчасти, так на запчасти. Но, интересно знать, кто же тогда посадит носитель? Вы сами умеете, господин? – На грубияна угроза не действовала. – Вава у нас поднимает и сажает носитель, а во время полета следит за приборами... Вава, господин, опытный и очень ответственный пилот...

Эта речь показалась Адаму убедительной, и он оставил робота в покое. Тот немедленно сообразил, что инцидент исчерпан, и исчез.

Спустя полчаса по трансляции объявили о вхождении в атмосферу и предложили приготовиться к приземлению. Адам пристегнулся, развернул кресло спинкой в направлении движения, зафиксировал его, устроился поудобнее. Прозвучал тревожный сигнал и началось торможение, сопровождающееся ударами и вибрацией. Его с ощутимой силой вдавило в спинку и подголовник. Ускорение небольшое, успел он подумать, не больше 4g.

Вскоре движение выровнялось, приземление прошло незаметно. Вава действительно был опытным пилотом.

В здании порта, безлюдном в это позднее время, к Адаму подошел коротышка в форме и заговорил со странным акцентом, глотая и коверкая слова.

– Ты, короче, Адам?

– Я Адам, но не короче. В этом вы ошиблись, – ответил Адам как можно дружелюбнее.

– Большой вырос, и сразу шутить изволишь? – спросил человек, заводясь, и уставился на Адама злыми узкими глазками. – Короче, ты у нас здесь шутить не изволь. Ты изволь выражаться понятно, а то ты так непонятно выражаешься. Короче, мне даже не по себе за тебя. Прежде всего, а уж потом за себя. К твоему сведению я служитель местной власти, считай, полиции, к тому же пребываю в известных чинах – состою при машине господина губернатора Верта. Короче, со мной, шутить не положено. Вот так.

– Понял, – согласился Адам. – Шутить не буду, раз не положено. Я и не собирался шутить. Но если вам так показалось, что ж, прошу меня извинить, поскольку я еще не знаком с местными обычаями.

– Скоро познакомишься, – пообещал коротышка и Адам подумал, что успел испортить отношения с первым же встреченным плебеєм. – Теперь давай, дуй за мной. У меня внизу тачка. Доставлю тебя в гостиницу, короче. С ветерком Такое поручение мне дал лично господин губернатор Верт.

У выхода из здания под ярким фонарем стояла машина – распластавшийся над землей пятнистый экипаж.

Рядом переминался с ноги на ногу точно такой же человек, тоже в форме и умело перебрасывал с одной короткопалой ладони на другую увесистую резиновую дубинку.

– Я тебя предупреждал, Теля, – напористо заговорил человек, когда они подошли. – Короче, чтобы не оставлял свой поганый драндулет, где попало, особенно когда я дежурю. Предупреждал? Ты внял моим предупреждениям? Вижу, и не подумал. Теперь я тебя арестую. Перекантуешься ночь в обезьяннике, авось поумнеешь. Пошли, короче!

– Кончай, Кока, не цепляйся. Я здесь по делу. Мы так давно с тобой не виделись, а ты сходу, не разобравшись, покатил бочку. Это не по-дружески, Кока. Там в бардачке у меня полбанки анисовой припасено... Готов поделиться...

– Ну, уж нет, обормот, меня не купишь. Повторяю для самых тупых: я тебя предупреждал. Теперь пеняй на себя. Что касается анисовой, так вот что я тебе скажу, Теля: отродясь не пил с таким отребьем, как ты, и никогда пить не стану – не на того нарвался.

– Какой же ты придурок, Кока, – завелся Теля. – Как был придурком с рождения, так придурком и закроешь дверь. Пойми, голова садовая, ослеп что ли? Со мной человек с Острова, важный перец, а ты... Не стыдно?

– Оскорбляешь при исполнении? – сорвался Кока на визг и тотчас из темноты возникли сразу три его двойника – плечом к плечу с дубинками наизготовку.

Кока, увидев, что подросла подмога, шагнул к Теле и торцом дубинки, схваченной обеими руками, с размаха нанес ему удар в солнечное сплетение, отчего тот, сдавленно крикнув, сломался пополам, обмяк и свалился замертво. Подоспевшие двойники, мешая друг другу, принялись молча и сосредоточенно молотить дубинками бездыханное тело. И унялись, удивившись, что Теля не подает признаков жизни. Напоследок для полной уверенности каждый нанес по удару тяжелым тупоносым башмаком, метя в голову, как при игре в мяч, отчего голова несчастного, вяло катнувшись из стороны в сторону, упокоилась навсегда.

Дело было сделано. Оставался Адам, свидетель, взявшийся неизвестно откуда, к тому же иступленный. Внимание всех четверых немедленно переключилось на него.

– А ты кто такой? – отрывисто прошипел Кока, неровно дыша от понесенных затрат энергии. – Что-то, короче, я тебя совсем не признаю. Небось, чужак?

– Чужак, чужак, – обрадовались двойники, подзуживая. – А с чужаками, короче...

– ... мы говорим на своем языке, – зловеще договорил Кока.

Он прынул вперед и мимо, коротко взмахнул дубинкой и изо всех сил огрел Адама поперек спины. От резкой боли у Адама потемнело в глазах, перехватило дыхание. Но он удержался на ногах, сообразив, что бессмысленно объясняться с головорезами, и на помощь рассчитывать

не стоит – в этот час площадь была безлюдна. Он увернулся от нового замаха Коки, вырвал у него дубинку и изо всех сил саданул негодяя по голове. Тот мешком свалился под ноги, замер.

Двойники опешили – перед ними, пошатываясь, стоял широкий большой человек, изготовившийся к отпору.

– Делаем ноги? – неуверенно спросил один из них и отступил на шаг.

– Оно самоконечно, – в один голос согласились остальные. – Здесь нам не светит.

– Старшой, по всему, выбыл из строя...

– Так-то лучше, – унимая дыхание, сказал Адам.

– Мы тебя все равно достанем, сволочь, – сдавленно выкрикнул первый и отступил в тень.

– Никуда ты от нас не денешься, урод.

– Старшого, скотина, укокошил, можно сказать... С одного удара, прикинь...

– Еще как достанем, – пообещали напоследок.

Адам остался один. Перед ним в луже крови, скрючившись похоже и навсегда, лежали Теля и Кока. Пора уносить ноги, подумал он, остывая. И чем быстрее, тем лучше.

Можно было воспользоваться машиной Тели – добраться до офиса губернатора, но он рассудил, что его обязательно спросят, куда девался Теля. Трудно будет ответить на этот вопрос. Утром несчастных найдут, поднимется шум и как же просто будет решить, что виной их смерти явился он, Адам, пришелец, чужак. Нужно немедленно заявить...

С дубинкой он решил не расставаться, она могла пригодиться на темных безлюдных улицах, хотя именно дубинка была прямым доказательством его вины, ведь на ней были отпечатки его рук, кровь Коки и Тели. Что полагалось за убийство плебея, Адам знал. Хорошо, если позволят просто закрыть дверь. Этот выход казался ему не таким болезненным, по сравнению с тем, что придется пережить, если его начнут убивать, как убили бедолагу Телю.

Он включил коммуникатор, вывел на экран карту города, нашел на ней офис губернатора, куда ему следовало явиться, назначил оптимальный путь к цели и решил добираться пешим ходом, тем более, что путь оказался недалёкий.

Губернатор Верт досмотрел представление до конца, сидя в удобном кресле на втором этаже пассажирского терминала, потягивая из упругой бутылки любимый легкий аперитив «Корона». В целом сценарий ему понравился, но финал... Финал следовало доиграть и как можно скорее.

Он видел, как уходит Адам, прихватив неведомо для каких целей дубинку Коки, как остановился, включил коммуникатор, наверняка изучил карту города и определил предстоящую дорогу. Шустрый малый, однако, подумал Верт и представил себе с каким удовольствием пообщался бы с мальчишкой, если бы не странное секретное задание.

Он спустился вниз, прошел к своей машине. Дежурную, на которой приехал в порт, решил оставить на стоянке. Достал из-под сидения дубинку, еще не понимая, зачем она может понадобиться, осмотрелся. Огромная площадь была пуста.

Он решил разыскать молодцов Кента и как следует допросить. Интересно, что они станут врать и как сформулировал задание Кент? Его осенило: что если именно Кента подразумевал хозяин, когда намекал о грядущих переменах и кандидатах? Не этот ли верзила примеряется к должности губернатора?

Он скоро нашел их. Они сидели рядом на неосвещенной скамейке в сквере, примыкавшем к площади справа, и потягивали каждый из своей бутылки анисовую настойку – любимый напиток полицейских не только из-за приятного вкуса, но и потому, что другого спиртного в городе не продавалось.

Для плебеев, генетически склонных к разнузданному неодолимому пьянству, последние несколько десятков весен действовал суровый сухой закон. За продажу алкоголя плебею полагалось наказание – виновный немедленно закрывал за собой дверь.

Вояки так увлеклись беседой, что не заметили подошедшего Верта.

– Вот я вас и застукал, голубки, – сказал Верт. – Чем это вы здесь занимаетесь, находясь при исполнении?

Опознав Верта, солдаты приподнялись, чтобы приветствовать, как полагается по уставу.

– Сидеть, – приказал Верт. – Отвечайте.

Они покорно плюхнулись на скамейку.

– А мы ничего, – обескуражено залепетал один из них, сообразив, что попались. – Нас послали сюда. Мы ждем теперь...

– Чего же вы ждете?

– За нами должны приехать.

– Обещали.

– Не топтать же пёхом. Далеко...

– Не бубните. В темпе изложите суть задания, – потребовал Верт и когда понял, что им не очень-то хочется говорить, рявкнул: – Я слушаю!

Они повскакивали, побросав бутылки, вытянулись – руки по швам.

– Нас начальник послал, господин Кент. Коку назначил старшим. Мы должны были...

– Мы должны были уकोшить какого-то чела. Кока сказал, что он ваш водитель...

– А заодно... клиента, который с Острова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.